

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Краснодарская государственная академия культуры

Музей истории донского казачества

**АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И ВАРВАРСКИЙ МИР**

(Материалы 6-го археологического семинара) [часть 2]

Краснодар 1998

О ВЕРОВАНИЯХ, ПЛЕМЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ХРОНОЛОГИИ САРМАТОВ ВЕНГЕРСКОЙ НИЗМЕННОСТИ

(по материалам погребения в Сентеш-Надьхедь)

В археологическом материале Карпатского бассейна очень мало находок, позволяющих судить о религиозных представлениях сарматов. Один из немногих таких комплексов – погр. 20 из Сентеш-Надьхедь (обл. Чонград), открытое в 1931 г. Г.Чалланем и опубликованное (а затем неоднократно перепубликованное) весьма поверхностно: рисунки схематичны, а фотографии низкого качества (Párducz 1931, 35; Csallány 1932, 149ff.; Párducz 1935, 15ff; Fettich 1953, 73ff., 180.; Párducz 1956, 140ff.) . К тому же большинство вещей было утрачено во время войны.

Судя по описаниям (Parducz 1935, 15, Taf. V), в грунтовом погребении на глубине 160 см был найден женский скелет, ориентированный на ЮВ. На площади 17 x 8 см под черепом обнаружено множество фигурок из золотой фольги, изображающих человеческие личины и животных. На участке дна ямы от черепа до правого локтя всего было найдено 150 бляшек, на основании чего М.Пардуц предположил, что фигурные украшения принадлежали головному убору, а бляшки украшали вуаль, свешивавшуюся с него. С головным убором можно связать следующие золотые находки (Рис. 1): **1.** три маски, изображающие мужские лица с усами и бородой. Глаза подчеркнуты инкрустацией из красных камней или стекла. Задняя часть масок была заполнена коричневой или белой массой, покрытой тонкой бронзовой пластинкой. У одной пластинки сохранился штырек для прикрепления к коже. Размер 40 x 28 мм; **2.** фигурка голубя; **3.** фигурка стоящего зайца. Голова и две ноги отломаны; **4.** фигурка бегущего зайца. Одной ноги не хватает полностью, двух – частично; **5.** фигурка бегущего зайца. Большой части корпуса и ног не хватает; **6.** 8 фигурок цикад, одинаковых по размеру и форме; **7.** фигурка оленя; **8.** фигурка рыбы; **9.** 4 маленькие бляшки-розетки.

Бросается в глаза, что комплекс можно разделить на две различные группы вещей: типично местные атрибуты сарматского женского погребения, и чуждые здешним детали костюма, привнесенные с востока. К первой группе относятся бытовые предметы (пряслице, нож, гончарный сосуд, импортная римская шкатулка, бусы на запястьях и щиколотках), регулярно встречающиеся в сарматских могилах нашего региона, чего нельзя сказать об украшениях головного убора погребенной.

На основании сосуда М.Пардуц, а за ним и Н.Феттих, датировали погребение последней третью 2 в. н.э. (Fettich 1953, 73ff, 180ff.). Датировка погребения усложняется

тем, что у большинства находок очень широкая дата (сережка с петлей и крючком, бусы, сосуд). Основой для датировки является деревянная шкатулка, попавшая в погребение после вторичного использования. Такие шкатулки появляются не ранее конца 3 в. н.э. (Gaspar 1986, Kat. 954, Taf. CLXXIV), но, учитывая долгое бытование импортных металлических вещей у сарматов, эту дату можно считать только *terminus post quern*, и наиболее вероятной датой погребения считать 4 в. н.э. Эту датировку подтверждают и маски, имеющие аналогии гуннского времени (см. ниже).

Уже в момент находки, на основании расположения в могиле и обнаружения остатков кожи на задней стороне бляшек, было высказано предположение, что кусочки золотой фольги были деталями головного убора – диадемы (Csallany 1932, 150). Диадемы из сарматских могил исследовал С.А. Яценко, разбивший 10 находок 1 – 3 вв. н.э. на две группы (Яценко 1986). К первой он отнес диадемы, украшенные фигурками животных, найденные в памятниках 1 – 2 вв. К этой ранней группе относятся погребения жриц из Хохлача и Соколовой могилы. Вторая группа, более поздняя, включает диадемы 2 – 3 вв., указывающие не на сакральный, а на социальный статус погребенной. Применительно к диадеме из Сентеша наиболее интересна первая группа, хотя сентешское погребение намного позднее ее.

Близкие аналогии головному украшению из Сентеша происходят из женских погребений двух регионов: 1. Нижний Дон {кург. Хохлач [Толстой, Кондаков 1890, 133, 136] (Рис. 2, 3); Кобяково, кург. 10 [Прохорова, Гугуев 1992] (Рис. 2, 1) }; 2. Прикубанье (Усть-Лабинская, кург. 46 [Werner 1956, 69; Засецкая 1975, 16, рис. 3; Гущина, Засецкая 1994, 72 сл.] (Рис. 2, 2)). Эти находки датируются 1 – нач. 2 вв. н.э. и объединены наличием общих черт: все они золотые или плакированные, композиция всегда включает древо жизни (или мировое дерево) в центре, к которому движутся более или менее симметрично расположенные фигурки животных.

Хохлачская диадема найдена в погребении второй пол. 1 – нач. 2 вв. н.э. (Раев 1978, 94) и считается изделием античных мастерских Северного Причерноморья. Остальные головные украшения были сделаны варварами, возможно, подражавшими диадеме из Хохлача (Гугуев 1992, 118).

Одна из варварских версий хохлачской диадемы была найдена в кургане 10 Кобяковского могильника, датированном концом 1 – нач. 2 вв. н.э. (Прохорова, Гугуев 1992). Женщина, захороненная в кургане, судя по составу инвентаря в могиле, обладала сакральными функциями. Диадема состояла из следующих элементов: древо жизни высотой

12 см, 6 оленей, 4 птицы и множество бляшек. Расположение животных зафиксировано в процессе расчистки и реконструировано, руководствуясь принципом симметрии.

Другая диадема варварского происхождения была найдена близ ст. Усть-Лабинской (Засецкая 1975, рис. 3). На основании лучковой фибулы курган датирован первой пол. – серединой 2 вв. н.э. (Гущина, Засецкая 1994, 18, 72 сл.). Здесь сохранилось меньше элементов головного убора, чем в Кобяково: древо жизни (12.6 x 8 см) произрастает из двух симметрично расположенных козлов. На концах пяти ветвей сидят птицы. Рядом с деревом могли стоять козел, олень и сильно стилизованное маленькое животное, считающееся зайцем или собакой. Судя по его движению, это, скорее всего, какой-то хищник. При реконструкции диадемы фигурки животных были расположены симметрично по отношению к дереву (Гугуев 1992, рис. 3, 2).

И, наконец, диадема, найденная в погр. 6 могильника Тилля-Тепе. Жрица (?), захороненная в этой могиле юэджийского царского кладбища нач. 1 в. н.э., отличается от остальных погребений западной ориентацией и деформированным черепом (Сарианиди 1989, 114 сл.). С точки зрения территории и культурной принадлежности диадема из погребения является прототипом описанного круга находок. В основании головного украшения из Тилля-Тепе помещены пальметты (Рис. 3, 1), изображающие древо жизни/мира, а на их верхушке сидит по паре птиц (Sarianidi 1985, Рис. 13 – 15). В том же могильнике в мужском погр. 4 (оружие из которого близко найденному в Порогах и мог. Дачи) была найдена вторично использованная золотая модель древа жизни/мира, а также постоянный элемент диадем – статуэтка козла, которые могли быть частями диадемы, сходной с хохлачской (Сарианиди 1989, 89 сл.).

Сравнивая погребение из Сентеш-Надхедь и перечисленные захоронения женщин с сакральными функциями, можно отметить схожие черты: зеркала (обычно китайские), предметы косметики в корзинке или шкатулке, орнаментация костюма золотыми бляшками.

Обратимся к отдельным элементам известных нам диадем.

Древо жизни

Этот наиболее распространенный космогонический образ евразийских народов был расположен в центре композиции на каждой диадеме, аналогичной сентешской. Ветви древа обычно символизируют три уровня Вселенной (Топоров 1987). Общие индоевропейские корни этого символа доказываются лингвистически (Кузьмина 1979, 18). Изображения древа нередко встречаются, в частности, у кочевников-иранцев, и сармато-аланские племена не являются исключением. Мотивом древа жизни украшали не только диадемы (Werner 1956, 69 сл.; Раев, Яценко 1993, 113). Железные навершия, найденные в курганах зубовско-

воздвиженской группы в Закубанье, представляют собой стилизованные древа и окружающие их 4 фигурки оленей (Песчаный; Ждановский 1990, 111 сл. [Рис. 3, 2]; Зубовский: Гущина, Засецкая 1989, 134, Табл. XII). Б. А. Раев и С.А. Яценко (1993, 120 сл.) считают, что подобные навершия могут быть связаны с "алтарями" тагарской культуры. Авторы указывают на эти аналогии, перечисляя центрально-азиатские элементы, появляющиеся в упомянутой группе памятников в Закубанье, и связывают с первой волной алан.

Среди изображений древа жизни на различных предметах следует упомянуть ложку из Соколовой Могилы 1 в. н.э. Считается, что это тоже погребение жрицы, которая носила диадему, состоявшую из бус в форме хтонических животных (лягушки, скарабеи, моллюски). Там же было найдено множество золотых украшений, нашивных бляшек, амулетов, зеркало – обычные атрибуты погребения жрицы (Ковпаненко 1986, 85 сл., Рис. 91).

Другой предмет с сакральным значением – золотая маска из Шамши (Средняя Азия), датированная 4 – 5 вв. н.э. и связываемая с кочевниками. Это изделие, хотя и более крупное (20.4 x 15.3 см), по технике исполнения близко украшениям сентешской диадемы: инкрустации из камня вдавливались в светлую пастообразную массу. На щеках и носу пуансоном нанесены мотивы дерева с семью ветвями. На этом же памятнике был найден колт – прототип типичного украшения гуннского времени (Пугаченкова, Ремпель 1982, 220 – 223).

Также не случайно на обратной стороне сходного колта из Верхне-Яблочного изображено древо жизни/мира, что было подмечено уже Й.Вернером (Werner 1956, 71). По обеим сторонам древа стоят животные (4 козла и, предположительно, 2 собаки), одно животное сидит на его верхушке. На другом колте гуннского времени из коллекции Строганова (Засецкая 1975) композиция отличается, но изображения козлов сходны с упомянутыми.

Изображения древа жизни/мира и животных на сарматских диадемах и колтах гуннского времени несомненно связаны между собой (Засецкая 1975, 15 сл., 35 сл.; Засецкая 1994, 62, Табл. 18, 4,5; 25, 3). Подвеска из Верхне-Яблочного была найдена вместе с диадемой с сюжетным орнаментом по верхнему краю. И.П.Засецкая перечисляет 23 диадемы, найденные, главным образом, в женских погребениях на территории от Казахстана до Венгрии. Их концентрация в Северном Причерноморье и Крыму не случайна. Сюжетная орнаментация диадем является схематическим упрощением сцены с деревом, что наиболее ярко выражено на мелитопольской диадеме (Засецкая 1994, 62 сл.). Все это указывает на

генетическую связь между сарматскими диадемами и диадемами гуннского времени. И.Бона (1979, 306; 1991, 148; 1993, 141) предположил сако-аланское влияние на диадемы гуннского времени, найденные к востоку от Волги. Это подтверждается находкой аланского шаманского погребения у оз. Батыр (сев. побережье Каспийского моря). Диадема из него, вероятный прототип диадем гуннского времени, датируется 3 в. н.э.

Присутствие и роль аланского компонента в материалах гуннского времени неувидительны, так как уже на ранней фазе их истории гунны и аланы были соседями в Средней Азии и имели контакты (Harmatta 1986, GX-X). В Европе гунны появились вместе с аланами, которые принимали участие в формировании материальной и духовной культуры новой империи. Примечательно, что после падения империи гуннов, диадемы как тип украшений на исследуемой территории исчезают (Tomka 1993, 25 сл.).

Возвращаясь к диадеме из Сентеш-Надьхедь, мы должны отметить, что она отличается от перечисленных отсутствием древа жизни, что можно связать с тем, что: 1 – некогда украшавшее диадему древо, сделанное из тонкой золотой фольги, рассыпалось или потерялось при расчистке могилы. Это как будто подтверждается тем, что несколько мелких фрагментов фольги из погребения разрушены до такой степени, что реконструировать их первоначальную форму невозможно; 2 – на диадеме никогда не было древа. В этом случае центр ее должен был быть украшен чем-то другим, возможно масками; 3 – древо могло потеряться еще при жизни владельца, и быть замещено каким-то другим элементом или элементами. Ими могли быть пластины с изображением человеческих личин. Помещенные одна над другой, три маски занимают площадь 12 x 2.8 см, что соответствует размерам древа жизни из Кобякова и Усть-Лабинской. Наиболее вероятной нам кажется последняя версия.

Маски

Единственный элемент диадемы, способ прикрепления которого известен — это одна из масок (Рис. 1, 2), на задней бронзовой пластине которой сохранился штырек (Fettich 1953, 73,180). Глаза личин были подчеркнуты вставками из красных камней, предположительно такими же украшались фигурки животных, что является типичным проявлением сарматского полихромного стиля. Хотя этот стиль был широко распространен в евразийской степи, здесь не известны изображения личин, подобных сентешским. Однако, наши находки не могут считаться уникальными, так как есть несколько сходных предметов из более поздних памятников.

Н.Феттих первым обратил внимание на гуннские аналогии сентешским личинам (Fettich 1953, 74,181). Й.Вернер (1956, 73 ff), а позже О.Менчен-Хелфен при изучении гуннских масок и амулетов касались вопроса о золотых масках из Сентеша. Последний,

поставив сентешские маски в один ряд с личинами из Покровска, Новогригорьевки и Интерцизы, предположил, что некоторые гуннские маски — иранского происхождения, основываясь на том, что большие бороды, которые, по Аммиану Марцеллину (XXXI.2), не могут характеризовать гуннов, обычны у скифов и сарматов (Manchen-Helfen 1973, 281 ff; Vona 1991, 30; 1993, 28). Строго говоря, прически, бороды и усы (если они вообще изображены) в каждом случае отличаются и друг от друга, и от сентешских.

В последнее время маски гуннской эпохи были собраны И.Боной (1991, 28,236, fig. 9; 1993, 26,214, fig. 9) (Рис. 4, 1-7) и И.П.Засецкой (1994, 165, Табл. 3, 4; 183 сл., Табл. 31, 5, 32, 9, 35, 9). К их сводке можно добавить новую находку в Гибервиле (Франция), где была найдена бронзовая пластина, украшавшая деревянное ведро (Рис. 5). Изображенная здесь маска, несомненно, аналогична восточным, но является деталью более сложной композиции. Следуя слева направо изображены: профиль римского императора (Валентиниана ?) — имитация монеты, далее следует сцена охоты, которую заключает фигура стоящего императора, поражающего врага — вероятно, также имитация монеты, за этим следует изображение лица в фас, симметричное портрету императора. Последний элемент пластины — точная аналогия масок гуннской эпохи. Авторы публикации считают, что ведро было изготовлено в конце 4 в., но попало в более позднее погребение 6 в. н.э. (Pilet et al. 1993, 159, Pl. 9).

Отрезание головы врага и использование ее как символа (часть от целого) — черта не исключительно иранская, и в связи с темой данной работы мы хотели бы указать на особенности иконографии и скрытую за ней традицию. Сведений о функциях пластин с масками гуннского времени почти нет. Кроме ведра из Гибервила и шкатулки из Интерцизы, имеется единственная определенная информация о назначении 23 бляшек, найденных в кургане 23 в Покровске: они располагались рядом со скелетом коня и, по-видимому, являлись украшением сбруи. Судя по удилам, найденным в кург. 17 того же могильника, в погребении у Новогригорьевки и в комплексе из Владимирского, в этих могилах также была сбруя.

В евразийских степях самые ранние изображения лиц, украшавшие конскую сбрую, происходят из катакомбной могилы в Ростове-на-Дону (Рис. 4, 8), из богатого впускного погребения воина с деформированным черепом, головой на СВ. В углах камеры найдены детали сбруи, в т. ч. 3 или 4 круглых золотых бляшки Д. 8 — 8.5 см, украшенные синими стеклянными вставками, а также красными и серыми инталиями, использованными вторично. Камни обрамляли изображения человеческих голов в рогатых шлемах, серьгах и ожерельях. Погребение датировано концом 2 — нач. 3 вв. н.э. (Volkov, Guguev 1986, 73 ff.

Pl. 59, 1-10). Нам известна иконографическая параллель этому редкому образу — сасанидский бронзовый бюст из Ладьяварда (Hofkunst 1993, 167).

Изображение "фалара" с маской известно на сасанидском блюде из Кулагыша (Рис. 7), хранящемся в Эрмитаже. Уже авторы первой публикации отмечали, что подвеска на узде имитирует отрубленную голову противника (Голстой, Кондаков 1890, 79, Рис. 84). Это предположение подтверждается образом всадника, с седла которого свисает отрубленная голова, на костяной пластине из Орлата (Рис. 8). Она происходит из кургана 2 в. до — 1 в. н.э. (Пугаченкова 1989, 148 сл. 71)¹. Более поздняя аналогия этому сюжету известна на кувшине №2 из клада в Надьсентмиклош, где изображен всадник-победитель (László-Rácz 1977) (Рис. 9).

Приведенные примеры подтверждают сообщение Аммиана Марцеллина (XXXI.2), который писал об аланах, гордо украшающих своих боевых коней скальпами врага. Весьма вероятно, что изображения из Орлата и Надьсентмиклоша, золотые маски из Сентеша и их аналогии гуннского времени могли играть роль "военных знаков", символизировавших отрубленные головы врагов. Если это так, то человеческие личины на бляшках не являются "портретами" их владельцев или изготовителей, а изображают отрубленные головы противника, что объясняет факт их непохожести друг на друга.

Наконец, следует объяснить, каким образом маски попали на диадему из погр. 20 в Сентеш-Надьхедь, если они вообще ее когда-то украшали. Возможно диадема, судя по приведенным аналогиям принадлежавшая лицу с культовыми функциями, была в могиле единственным предметом восточного происхождения. Она могла передаваться по наследству из поколения в поколение (от матери к дочери ?). Выше мы указали на то, что степные погребения с подобными вещами датируются 1 — 2 вв. н.э. Если сентешская диадема попала в Карпатский бассейн с территории Южной России или Украины, ей должны были пользоваться длительное время, возможно, на протяжении более ста лет.

После долгих лет пользования отдельные элементы диадемы, возможно, пришлось чинить или вовсе заменить новыми. Пластины в виде масок, которыми кочевники-иранцы традиционно украшали конскую сбрую, могли быть использованы для замещения утраченных деталей диадемы. Варвары не всегда располагали нужными профессиональными навыками и материалами, ремонтируя импортные изделия, что обусловило известную практику вольного обращения с вещами при починке.

Фигурки животных

Хотя фигурки животных, украшавших сентешскую диадему не исполнены в сарматском зверином стиле, мы все же связываем их с этим кругом памятников. Эта связь

проявляется в техническом решении, в стилизации животных, в том, как подчеркнуты вставками глаза у масок и у оленя. На общие производственные приемы указывает и использование мастикообразного материала, заполняющего пространство между тонкой рельефной пластиной и бронзовой основой. Звериный стиль долгое время был распространен и в Северном Причерноморье (Засецкая 1989, 44), и в Средней Азии (маска из Шамши, Карагалинская диадема; Бернштам 1940, 23 сл.). Что же касается дискуссии в русскоязычной литературе по поводу того, с каким племенем – аорсами, сираками, роксоланами или аланами – следует его связывать (Засецкая 1980, 54 сл.; 1989, 40 сл.), то в свете изложенного ниже, мы придерживаемся теории, связывающей этот стиль с аланской миграцией.

1. Птица (Párducz 1956, XVII. 21; Fettich 1953, LVIII.8) (Рис. 1, 8)

Фигурка птицы (возможно голубя) – наименее спорный элемент сентешской диадемы. Этот элемент относится к обычным деталям образа древа жизни как на относительно близких (Кобяково, Усть-Лабинск, Хохлач), так и на относительно далеких (Тилля-Тепе) аналогиях нашей диадемы. Золотая пластина в виде птицы известна также с территории Венгрии (Parducz 1941, XXIII,1; 1956, 148). Их семантическая нагрузка весьма насыщена: символ высшей сферы (высшего уровня древа), символ плодородия и пр. Находка фигурки голубя (?) у головы женщины из погр. 20 в Сентеш-Надьхедь – еще один аргумент в пользу того, что ее диадема была украшена деревом жизни.

2. Рыба (Párducz 1956, XVII. 19; Fettich 1953, LVIII.4) (Рис.1, 4)

Нам неизвестны фигурки рыб на сарматских вещах, но они представлены в более ранних памятниках: скифская пластина из Феттерсфельде (Minns 1913, XXIII. 1; Fettich 1953, 181), а также относительно большая (дл. 24.2 см) золотая фигурка рыбы из амударьинского клада (Зеймаль 1979, 41, рис. 16); конский налобник из скифского кургана у Волковцов примерно такой же длины (28.4 см) (Золото 1991, кат. 94, 306); массивная бронзовая фигурка рыбы, найденная возле Орджоникидзе в комплексе 4 в. до н.э. (Мелюкова 1989, 92, Табл. 33, 20). Фигурка из Сентеша уникальна в сарматском мире, но имеет древние иранские корни.

3. Фигурка стоящего зайца/пантеры/волка (Párducz 1956, XVII, 1; Fettich 1953, LVIII,1)(Рис. 1,1)

Отломанная нога фигурки, по-видимому, была неправильно приклеена к корпусу; в первоначальном состоянии задние ноги должны были быть подобраны под живот зверя. Характерное изображение лап и напряженной позы сжатия указывают на волка. Схожее изображение найдено в кургане 1 в. н.э. у Царева на Нижней Волге (Сергацков 1989, 237,

рис. 2, 5). Золотые штампованные пластинки со вставками, украшавшими глаза и уши, были заполнены белой массой. Автор публикации считает этих животных львами. А.В.Симоненко и Б.И. Лобай также называют аналогичных зверей из кург. 1 у с.Пороги львами (Симоненко, Лобай 1991, 10 сл., рис. 4, 7). На ручке и ножнах меча из Порогов изображены такие же звери в прыжке (на ручке) и перед прыжком (на ножнах). Первый образ находит аналогию в Венгрии на золотой пластине с изображением вереницы очень похожих бегущих животных из разграбленного погребения в Дунахарасте (Vaday 1989 a) (Рис. 10,2).

В сарматском материале Карпатского бассейна пластина из Дунахарасте важна не только из-за образа зверей, но в еще большей степени, из-за изображенной здесь же тамги. Близкая ее аналогия происходит из тех же Порогов. Схема тамги связывается с аланским или аорским царем Фарзоем. Обычай использования тамг пришел в Северное Причерноморье далеко с востока, возможно из Центральной или Средней Азии, а возможно, через Бактрию из Индии (Nickel 1973, 167), и связывается с приходом алан (Яценко 1993, 85 сл.; Симоненко, Лобай 1991, 71).

Знак, напоминающий тамгу из Дунахарасте, появляется на монетах кушанских монархов (Толстов 1950, 152, рис.35).³ Другая аналогия известна на конской сбруе из кобьяковского погребения. Авторы публикации пришли к выводу, что в конце 1 – нач. 2 вв. н.э. богатые погребения Нижнего Подонья очерчивают племенной центр этого региона (Прохорова, Гугуев 1992, 160). Это предположение кажется весьма вероятным и нам. Территория распространения находок – Средняя Азия (кушаны) – Нижнее Подонье (Кобяково) – Северо-Западное Причерноморье (Пороги) – Карпатский бассейн (Дунахарасте) маркирует маршрут аланской миграции. В свете сказанного понятно значительное число связей памятников нашего круга со Средней Азией (в пространстве) и гуннским периодом (во времени).

Образ волка появляется и на других вещах эпохи. Протома этого животного украшает ложку из женского погребения в Песчаном, где также было найдено железное навершие с изображением древа жизни и четырех оленей (Ждановский 1990, 107, рис. 34).

В иранской (скифо-сарматской) мифологии волк играет значительную роль. Имя Уархага, прародителя рода Нартов, происходит от древнего осетинского слова, обозначающего волка (др.иранск. "варка"). Уархаг — отец близнецов Ахсара и Ахсартага, что наталкивает на мифологическую параллель с Ромулом и Ремом (Абаев 1981, 4).

4. Олень (Párducz 1956, XVII, 20; Fettich 1953, LVIII, 5) (Рис. 1, 5)

Авторы публикаций погребения из Сентеш-Надьхедь считают, что одна из золотых пластинок изображает оленя, основываясь на характерно повернутой голове животного, что

вызывает сомнения. Передняя часть фигуры скорее напоминает коня. Хотя авторы публикаций пишут, что рога отломались (Fettich 1953, 73), на фотографии не видно никаких следов поломки. Передние ноги не подходят к корпусу, вся фигурка была реконструирована неправильно. Возможно, протема принадлежала оленю (а скорее лошади), и к ней приклеили фрагмент фигурки другого животного. Это предположение подкрепляется тем обстоятельством, что задние ноги животного представляют реалистичное изображение лап хищника, которые не могли принадлежать оленю или коню.

Олень, без сомнения, является наиболее популярным образом как на скифских, так и сарматских изделиях. Обычны его изображения и на диадемах (Кобяково, Усть-Лабинская, Хохлач).

Изображения коня также часто встречаются на вещах, выполненных в скифском или сарматском зверином стиле. В погребении в Дунахарасте, кроме перечисленных, было найдено еще одно изображение животного: выпуклая золотая пластина в форме головы коня (?) (Vaday 1989a, Abb. 1, 1) Рис. 10, 1). Стиль изображения характерных частей конской головы, сама форма головы, ушей, каменные вставки в ушах и глазах – эти детали находят аналогии в Северном Причерноморье и широко распространены в скифо-сарматском искусстве (Ср., напр., гривну из Порогов: Симоненко, Лобай 1991, рис. 15, фото 20).

Единственная известная нам аналогия поворота головы "олень" происходит из буджакского могильника Нагорное, где в кург. 1 были найдены фрагменты 3 фигурок животных (5 x 4.5 см), вырезанных из золотой фольги. Они стоят с поднятой передней ногой, повернув голову назад (Гудкова, Фокеев 1984, 41, рис. 13, 3). Неясно, какие именно это животные, возможно, волки.

5. Бегущий заяц/хищник (Párducz 1956, XVII, 4, 16; Fettich 1953, LVIII, 3, 6) (Рис. 1, 6).

Кроме фигурки "стоящего зайца", в сентешском погребении были найдены еще две пластинки, считающиеся изображениями зайцев, показанных в беге. По мнению И.Вёрёша, их позы напоминают скорее хищников, чем зайцев. Отсутствуют длинные заячьи уши. Почти то же самое можно сказать о самой маленькой фигурке усть-лабинской диадемы, интерпретируемой как изображение зайца. Судя по позе, больше оснований считать это животное хищником.

6. Цикада (Párducz 1956, ХУЛ, 2-3, 9-12, 17-18; Fettich 1953, LVIII, 7) (Рис. 1, 7).

К украшениям сентешской диадемы относятся 8 золотых пластинок "в виде цикад". Схожие тонкие пластинки были также найдены на Венгерской низменности в Атань (Párducz 1941, 20, 56, XXIX, 55, 57). Украшения в виде цикады были распространены в

античном мире, и в большом количестве встречаются в материалах гуннского времени. Несмотря на то, что манера изображения цикад в этих культурах отличается, истоки появления этого типа украшений в гуннское время нужно искать в греко-сармато-аланском материале (Вóпа 1991, 196 ff.; 1993, 181 ff; Vaday 1989 b, 96).

Что же касается вещей из погребения в Сентеш-Надьхедь, то мы не уверены, что это вообще цикады: иллюстрации в публикациях не убедительны, а сами находки утеряны. Стоит обратить внимание на нашивные бляшки из часто упоминавшегося кобяковского погребения. Среди них есть тип, родственный украшениям из Сентеша (Прохорова, Гугуев 1992, рис. 8, 10). Если учесть еще и то, что среди кобяковских бляшек есть шестилепестковые розетки, точная аналогия которым есть в Атань, то, скорее всего, "цикады" из Сентеша и Атань – просто обычные формы нашивных украшений из золотой фольги, которые часты в сарматских могилах. В этом случае они никак не связаны с "классическими" цикадами гуннской эпохи.

Заключение

Суммируя предыдущие выводы, можно сказать, что женщина, похороненная в погр. 20 мог. Сентеш-Надьхедь, вероятно, была жрицей, как и покойницы, захороненные с аналогичными вещами в более восточных районах расселения сарматов (Хохлач, Усть-Лабинская, Кобяково, Соколова Могила). Небольшое число таких комплексов, их состав, сакрально-символическое значение диадем — все эти черты указывают на исполнение погребенными религиозных функций. Погребение из Сентеш-Надьхедь намного позднее перечисленных комплексов, что и обусловило его отличия, например отсутствие древа жизни на диадеме.

Исследуя диадему, мы коснулись специфического круга находок, которые связываются с сакральными функциями погребенных, изображениями тамг и животных на диадемах и иных предметах.

Все элементы диадемы – как фигурки животных, так и маски, которые могли попасть на нее в результате ремонта – принадлежат к числу редких вещей, попавших в Карпатский бассейн из восточных степей. Другой подобной находкой в регионе является комплекс из Дунахарасте (Рис. 10). Судя по аналогиям, все эти вещи сделаны в самом конце 1 – нач. 2 вв. н.э. Происхождение и техника изготовления этих предметов, наличие на них тамг, а в более позднее время и деформация черепов погребенных, – связаны с территорией Средней Азии. Время бытования этих вещей в степной зоне Причерноморья совпадает с изменениями в погребальном обряде в конце 1 – нач. 2 вв. н.э.

В материалах гуннского времени как к востоку от Карпат, так и в Карпатском бассейне встречаются предметы генетически родственные более ранним типам. Это позволяет связать владельцев этих изделий с аланами — племенем, мигрировавшим в западном направлении, и появившимся в Карпатском бассейне в конце I — нач. 2 вв. в связи с Траяновыми войнами. Тамга из Дунахарасты указывает на аланскую группу, пришедшую из Северного Причерноморья и связанную с родом (?) Фарзоя и Инисмея.

Маршрут роксоланской и/или аланской экспансии конца I — нач. 2 вв. может быть прослежен и на Нижнем Дунае. Меч из Рошава Драганы, украшенный наконечником ножен в сарматском зверином стиле и тамгами, ажурные бляшки с изображениями тамг (Буюклиев 1986, 72, Табл. 10), которые фракийцы могли получить в качестве подарка или трофея (?), указывают на близкое присутствие алан. Другой факт—это поступок Адриана, который приказал разрушить мост через Дунай у Турну Северина (Alföldi 1942, 189). Децебала должны были привлекать наиболее воинственные номады, жившие на восточной границе его государства. Выдающиеся по богатству погребения конца I—нач. 2 вв. в западной части восточно-европейских степей (Пороги, Соколова Могила, Михайловка, Мокра, Весняное и др.) позволяют предполагать, что даки не скупались на подарки союзникам. Во всяком случае аланы, несомненно, принимали участие в войнах (Макау 1996, 745).

Наряду с археологическими материалами на появление пришельцев с востока указывают и римские источники. После дакийской кампании Траяна сообщается о походах против языгов (Alföldi 1942, 189). После смерти Траяна, в 117 г. движение на запад начали роксоланы — "белые аланы". Это переселение должно было быть достаточно массовым и представлять серьезную проблему. Об этом говорит и упомянутое разрушение моста, и то, что Адриан даже рассматривал вопрос принесения в жертву Дакии в интересах мира. Силу новых пришельцев показывает тот факт, что они заставили Римскую империю платить им новую, увеличенную дань [SHA Vita Hadriani 6,8: *cum rege Roxolanorum, qui de imminutis stipendiis querebatur, cognito negotio pacem composuit*] (Alföldi 1942, 189 ff.). Скорее всего, активные военные действия указывают на новую политическую ситуацию, и с начала 2 в.н.э. следует констатировать постоянное присутствие алан на Венгерской низменности до, по крайней мере, гуннского времени.

1. Благодарим А.В.Семенова и А.М.Савина за любезное разрешение воспроизвести рисунок орлатской пластины.

2. Благодарим за консультацию палеозоолога И.Вёрёша (Венгерский национальный музей, Будапешт).

3. Недавно был опубликован широкий обзор с качественными фотографиями кушанских монет (Alram 1996). Интересно, что кушанские цари уже на самых ранних монетах изображаются с деформированными черепами. Это очень важно в процессе распространения тамг — ведь сарматское/аланское население евразийских степей также практиковало обычай деформации черепа.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев 1981: Абаев В.И. *Нартовский эпос осетин*. В кн.: *Сказания о нартах*. Цхинвали. Бернштам 1940: Бернштам А.Н. *Золотая диадема из таманского погребения на р.Карагалинке*. — *КСИА*, V.
- Буюклиев 1986: Буюклиев Хр. *Тракийският могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг*. София. (*Разкопки и проучвания*, кн. XVI).
- Гудкова, Фокеев 1984: Гудкова А.В., Фокеев М.М. *Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв н.э.* Киев.
- Гузев 1992: Гузев В.К. *Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов в I в.н.э. — начале II в.н.э.)*. — *ВДИ*, № 4.
- Гуцина, Засецкая 1989: Гуцина И.И., Засецкая И.П. *Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И.Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. — начало II в. н.э.)*. — *Археологические исследования на юге Восточной Европы (Труды ГИМ. 70)* М. Гуцина, Засецкая 1994: Гуцина И.П. Засецкая И.П. *"Золотое кладбище" Римской эпохи в Прикубанье*. Спб.
- Засецкая 1975: Засецкая И.П. *Золотые украшения гуннской эпохи*. Л.
- Засецкая 1989: Засецкая И.П. *Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор)*. — *СА*, № 3.
- Засецкая 1994: Засецкая И.П. *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.)*. Спб.
- Золото 1991: *Золото степу*. Археологія України. Київ-Шлезвіг.
- Ждановский 1990: Ждановский А.М. *Новые погребения кочевников сарматского круга из Закубанья*. — *Древние памятники Кубани*. Краснодар.
- Ковпаненко 1986: Ковпаненко Г. Т. *Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге*. Киев. Кузьмина 1979: Кузьмина Е.Е. *Золотая пластинка с птицами из Амударьинского клада*. — *КСИА*. 159.
- Мелюкова 1989: Мелюкова А.И. *Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия*. — *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. (Археология СССР). М.

Прохорова, Гузиев 1992: Прохорова Т.А., Гузиев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника. — СА, № 1.

Пугаченкова 1989: Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент.

Пугаченкова, Ремпель 1982: Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. М.

Раев 1978: Раев Б.А. Металлические сосуды кургана "Хохлач" (материалы к хронологии больших курганов сарматского времени в Нижнем Подонье). — Проблемы археологии, вып. 2. Л.

Раев, Яценко 1993: Раев Б.А., Яценко С.А. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе. — Скифия и Боспор. Новочеркасск.

Сарианиди 1989: Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М.

Сергацков 1989: Сергацков И.В. Погребение среднесарматского времени у села Царев. — СА, № 3.

Симоненко, Лобай 1991: Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (Погребение знати у с. Пороги). Киев.

Скалон 1961: Скалон К.М. О культурных связях восточного Прикаспия в позднесарматское время. — АСГЭ, 2.

Толстой, Кондаков 1890: Толстой И., Кондаков Н. Руссия древности въ памятникахъ искусства, вып. III. Спб.

Топоров 1987: Топоров В.Н. Древо мировое. — Мифы народов мира. Энциклопедия, т. I. М.

Яценко 1986: Яценко С.А. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху. — КСИА, 186.

Яценко 1993: Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I—середине IV вв. н.э. — ПАВ, 6.

Alföldi 1942: Alföldi A. A pesti oldal új urai. In: Budapest története I. Budapest.

Bóna 1979: Bóna I. Die archäologischen Denkmäler der Hunnen und der Hunnenzeit in Ungarn im Spiegel der internationalen Hunnenforschung. In: Nibelungenlied. Ausstellungskatalog des Voralberger Landesmuseums Nr. 86. Bregenz.

Bóna 1991/1993: Bóna I. Das Hunnenreich. Budapest-Stuttgart [A hunok és nagykirályaik. Budapest.

Csallány 1932: Csallány G. Jazyg és germán leletek a szentesi múzeumban. Dolgozatok, VIII.

Fettich 1953: Fettich N. A szeged-nagyszéksői hurt fejedelmi sírlelet. Archaeologia Hungarica, XXXII.

Gáspár 1986: Gáspár D. Römische Kästchen aus Pannonien. Antaeus, 15.

Harmatta 1986: Harmatta J. Előszó az "Attila és hunjai" szerk. Nemeth Gyula Magyar Szemle Társádság 1940. 1986. évi kiadáshoz. Budapest. I—XXXIX.

Hofkunst 1993: Hofkunst van de Sassaniden. Het Perzische rijk tussen Rome en China [224—642]. Koninklijke Musea voor Kunst en Geschiedenis. Brussel.

László, Rácz 1977: László Gy., Ráczl. A nagyszenimiklói kincs. Budapest.

Maenchen-Helfen 1973: Maenchen-Helfen O. The world of the Huns. Berkeley-Los Angeles-London.

Makkay 1996: Makkay J. A sdrkany meg a kincsek. Századok, 130/4.

Minns 1913: Minns E.H. Scythians and Greeks. Cambridge.

Nickel 1973: Nickel H. Tamgas and Runes, Magic Numbers and Magic Symbols. Metropolitan Museum Journal, 8.

Párducz 1931: Párducz M. A nagy magyar Alföld rómaikori leletei. Dolgozatok, VII.

Párducz 1935: Párducz M. Az első pontus-germán emléksoport legkorábbi emlékei Magyarországon. A berlini Collegium Hungaricum kiadványai, 2. Szeged.

Párducz 1941: Párducz M. A szarmatakor emlékei Magyar országon, I. Archaeologia Hungarica, XXV.

Párducz 1956: Párducz M. Beiträge zur Geschichte der Sarmaten in Ungarn im II und III. Jahrhundert. Acta Archaeologica Hungarica, VII.

Pilet et all. 1993: Pilet Ch, Pilet-Lemiure J., Alduc-Le Bagousse A., Sansilvano-Collilieux M. L'apport de l'archéologie funéraire a l'étude de la presence militaire sur le limes saxon, le long des cotes de l'actuelle Basse-Normandie. In: L'armée romaine et les barbares du IIIe au Vile siècle. Condé-sur-Noireau.

Sarianidi 1985: Sarianidi V.I. Baktrisches Gold. Leningrad.

Tolstov 1950: Tolstov Sz. P. Az osi Chorezm. Budapest.

Tomka 1993: Tomka P. Hun diademok In: Bóna I., Cseh J., Nagy M., Tomka P., Toth A. Hunok — Gepidák — Langobárdok. Magyar Őstörténeti Könyvtár, 6. Szeged.

Vaday 1989a: Vaday A. Sarmatisches Männergrab mit Goldfund aus Dunaharaszti. Folia Archaeologica, XL.

Vaday 1989b: H. Vaday, A. Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok. Ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums. Antaeus, 17—18.

Volkov, Guguev 1986: Volkov I.V., Guguev Yu.K. A late Sarmatian burial in Rostov-on-Don. In: B.A.Raev. Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR, Int. Ser., 278) Oxford.

Werner 1956: Werner J. Beiträge des Archäologie des Attila-Reiches. München.

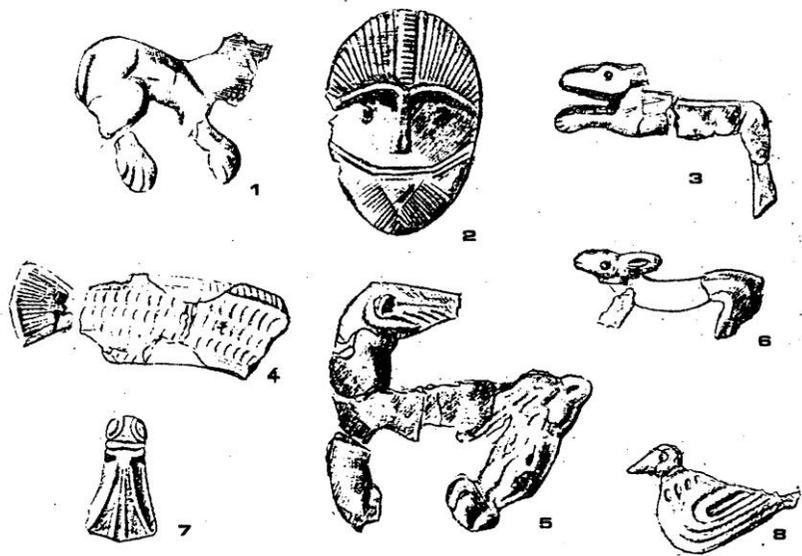

Рисунок 1. Сентеш-Надьхедь, погр. 20. Золотые украшения диадемы (по Fettich 1953)

18

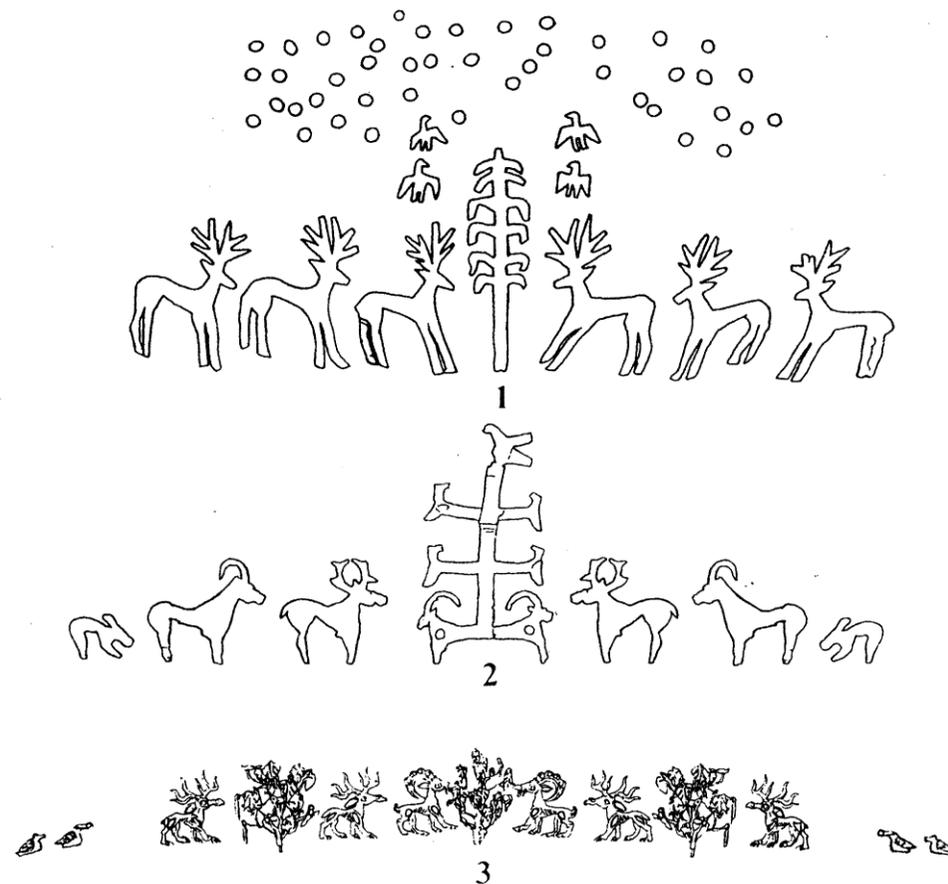
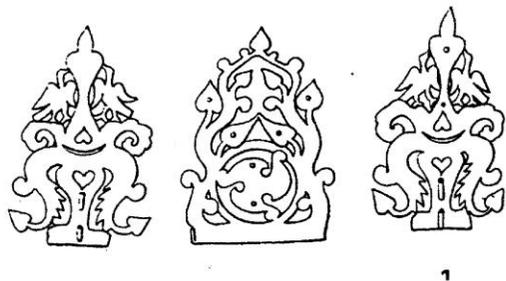
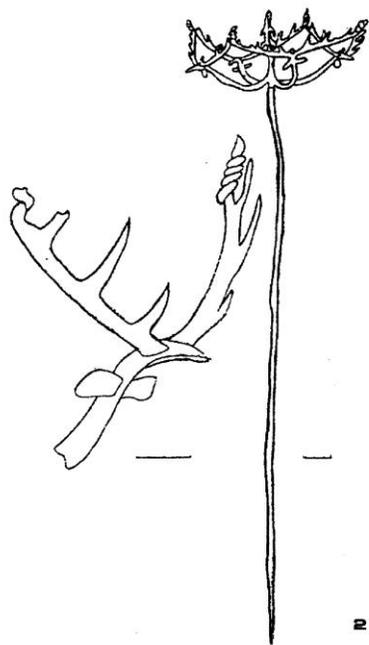

Рисунок 2. Золотые украшения диадем: 1—Кобяково (по Гугуеву 1992); 2—Усть-Лабинская (по Засецкой 1975); 3—Хохлач, верхний фриз (прорисовка авторов)

19

1

2

Рисунок 3. 1— Деталь диадемы из Тилля-Тепе (по Сарияниди 1989); 2— Навершие из Песчаного (по Ждановскому 1990)

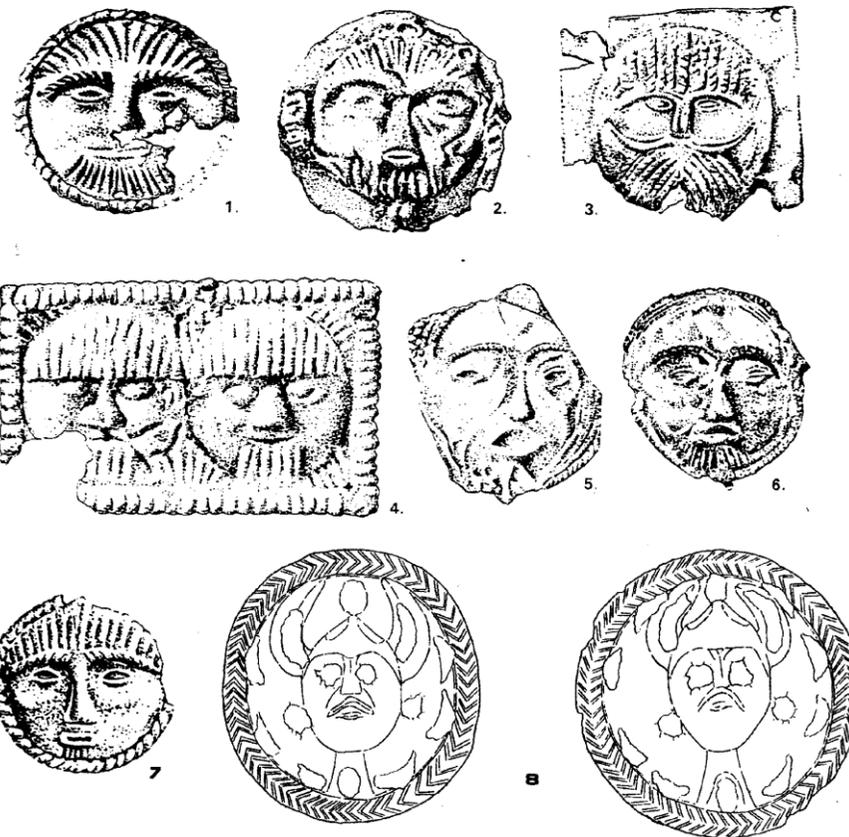

Рисунок 4. 1—7 — Маски гуннского времени (по Вона 1991/1993), 8— Маски из Ростова-на-Дону (по Volkov, Guguev 1986)

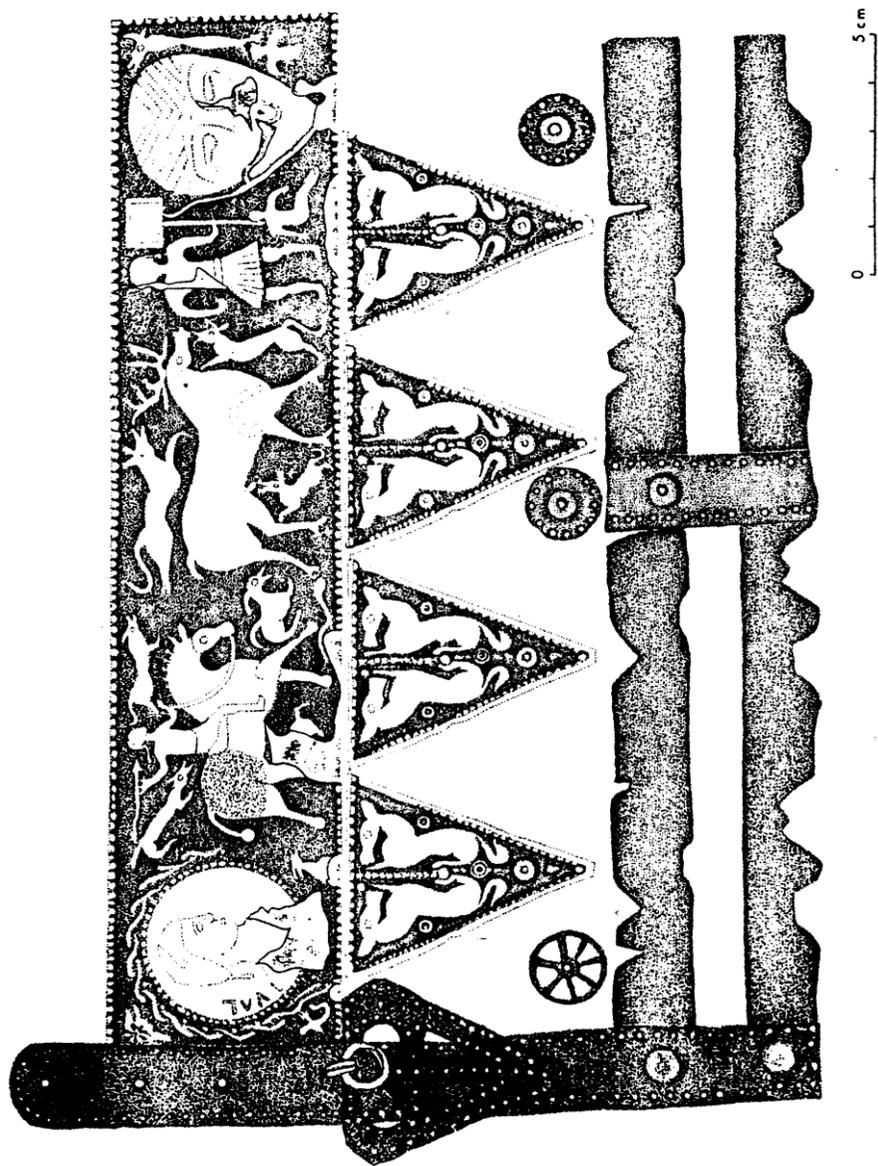

Рисунок 5. Украшение ведра из Гибервиля (по Pilet et al. 1993)

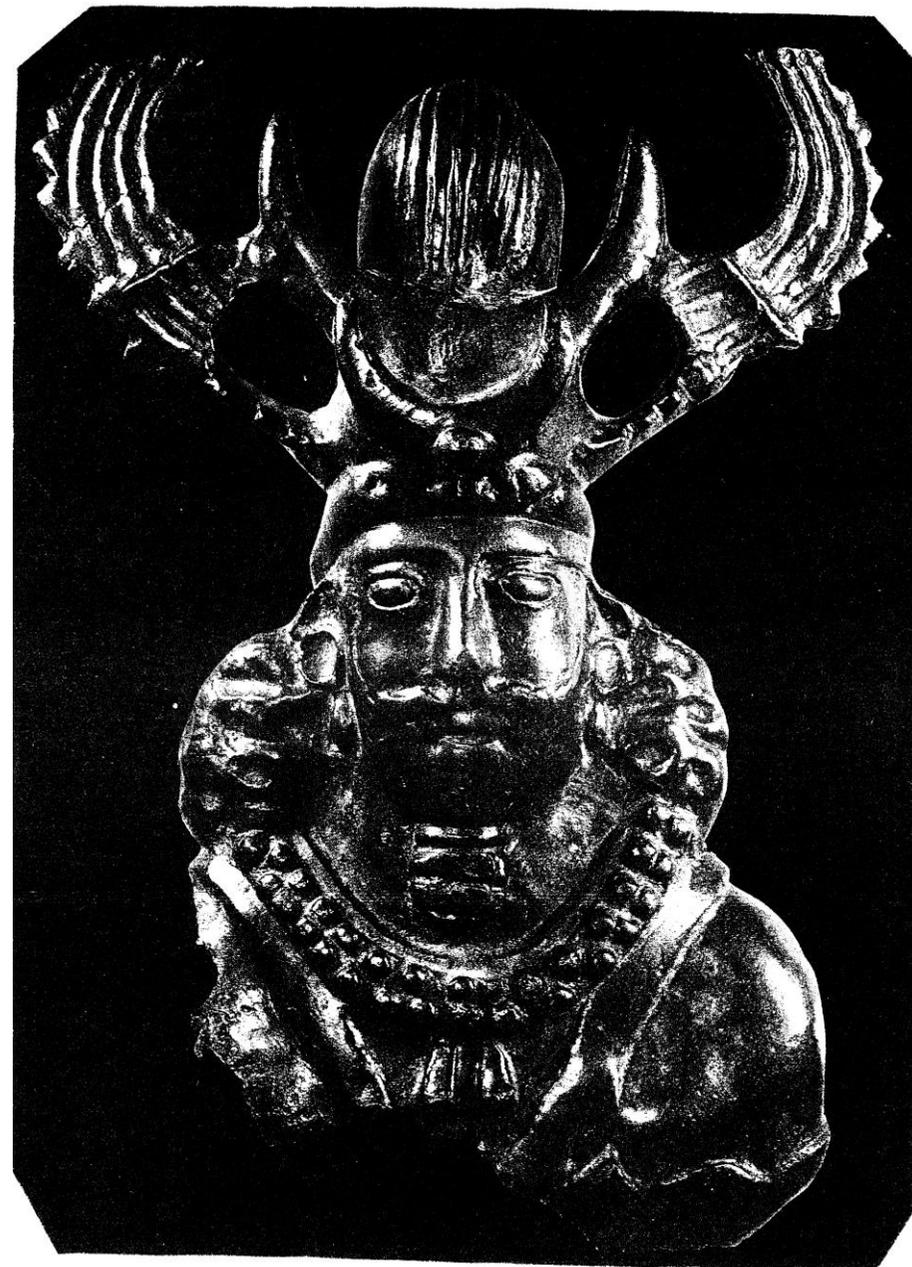

Рисунок 6. Сасанидский бронзовый бюст из Ладварда (по Hofkunst 1993)

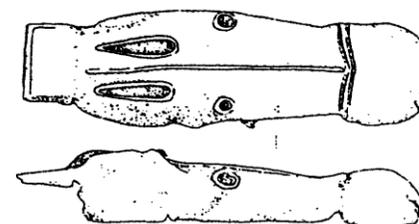
Рисунок 7. Сасанидское блюдо из Кулагыша (по Толстому, Кондакову 1890)

Рисунок 8. Деталь изображения на костяной пластине из Орлата

Рисунок 9. Деталь изображения на кувшине из Надьсентмиклош

1

2

Рисунок 10. Золотые находки из Дунахарсти (по Vaday 1989 а)

САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ 3 В. Н.Э. ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО КРЫМА

В последние годы в Крыму исследовались два могильника 3 – 4 вв. н.э. – Дружное и Нейзац. Могильник Дружное частично разрушен карьером, сохранившаяся часть исследована полностью. Раскопано 86 погребальных сооружений, в т.ч. 25 склепов, 32 подбойных могилы, 15 грунтовых с погребениями людей и 14 грунтовых с погребениями коней.

Наиболее ранние погребения совершались в подбойных могилах. В двух подбоях мог. 67 расчищены останки 8 погребенных, расположенных в три яруса в каждом подбое. На полу одного из подбоев обнаружены три фибулы П ("инкерманской") серии лучковых подвязных фибул по А.К.Амброзу. Совместная находка трех застежек, различающихся деталями конструкции, позволяет уточнить классификацию А.К.Амброза на уровне вариантов и датировать нижний ярус погребений второй четв. 3 в. н.э. Таким образом, мог. 67 оказывается самой ранней из раскопанных в Дружном.

В подбойной мог. 24 обнаружено единственное женское захоронение, сопровождаемое деревянной шкатулкой с бронзовыми оковками, в которой находились три монеты и кольцо, пара золотых серег с сердоликовыми вставками, двучленная подвязная лучковая фибула, продетая в кольцо, три серебряных браслета (два с сердоликами), нож в деревянном, окованном серебром футляре, зеркало IX типа (по А.М.Хазанову), серебряный предмет неясного назначения, имеющий много аналогий в сарматских погребениях. Кроме того найдены бусы, составлявшие ожерелье и обшивку рукавов платья. Самая поздняя монета из шкатулки чеканена от имени Деция Траяна (249 – 251 гг.).

В одном из подбоев мог. 20 с тремя погребенными находились лепные и краснолаковые сосуды, амфора типа "Д" (по Д.Б.Шелову), двучленные лучковые подвязные фибулы, браслеты, пряжки, гривна и другие вещи, а также монета Галлиена (253–268 гг.). В другом, детском подбое, обнаружены колокольчики, перстень, браслет, височные проволочные подвески в виде лунниц, топорика, и янтарная восьмерковидная.

Могильник Нейзац исследовался в 1996 г. Раскопано 33 погребальных сооружения, в т.ч. 7 склепов, 15 подбойных могил, 9 погребений в грунтовых ямах и 2 могилы уникальных конструкций.

Один из неразграбленных склепов датируется первой пол. 3 в. В его входной яме была похоронена лошадь. На дне погребальной камеры обнаружены останки трех погребенных и еще две кучи сдвинутых человеческих костей. Среди многих вещей, найденных в склепе, особенный интерес представляет сложенный в кожаную сумку набор из

23 бронзовых деталей конской сбруи. Большинство вещей из этого набора (ременные накладки, кольца, пряжки, зажимы) такие же, как и во многих степных сарматских всаднических комплексах конца 2 – первой пол. 3 в. Уникальны лишь семь бронзовых подвесок в виде скульптурных головок животных.

Подбойные и грунтовые могилы в основном датируются 3 в. Обнаруженный в них инвентарь типичен для позднесарматской археологической культуры. Это одночленные лучковые подвязные и "смычковые" фибулы, зеркала-подвески IX типа, серьги, кольца, различные подвески, браслеты, пряжки, вырезанная из мела антропоморфная скульптура, бусы, которыми расшивали одежду (до нескольких сот в одной могиле), и др.

Результаты раскопок в Дружном и Нейзаце позволяют говорить о двух волнах миграций в Крым в течение 3 в. В начале столетия это были сарматы, оставившие ранние погребения описываемых некрополей и продолжавшие хоронить на них до конца 4 в. Им же принадлежат ранее исследованные в Крыму могильники Скалистое II и III, Бельбек IV, Танковое. Во второй пол. 3 в. в Крым с Кавказа через Тамань проникли аланы, которые хоронили в склепах с дромосами. Такие погребальные сооружения с инвентарем второй пол. 3–4 вв., открыты в Дружном и Нейзаце.

К ИСТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ БОСПОРА В РИМСКОЕ ВРЕМЯ (1 – 3 ВВ. Н.Э.)

Наши знания об истории Новороссийского р-на в античную эпоху довольно ограничены. По мнению ряда исследователей в конце 4 – нач. 3 вв. до н.э. границы Боспора на ЮВ значительно расширились (Гайдукевич 1949, 61). Помимо титулатуры боспорских правителей об этом свидетельствуют данные археологии: распространение боспорских монет, основание поселения на Раевском городище (Блаватский 1959, 49). Система укрепленных усадеб с мощными стенами, возникшая в 1 в. до н.э. в разных местах района, гибнет, по всей видимости, в середине 1 в. н.э. (Онайко, Дмитриев, 1982). Материалы ряда могильников региона (Цемдолина, Широкая Балка, Мысхако) свидетельствуют о непрерывности и преемственности материальной культуры с середины 1 по первую пол. 3 вв. Как своеобразие этого периода отметим немногочисленность поселений (известно два — Раевское и Мысхако). К сожалению, данные об античном городе на берегу Цемесской бухты отрывочны (Онайко 1984, 91).

Пос. Мысхако известно с 80-х гг. 19 в., когда обследовавший местность В.И.Сизов получил от помещика И.Ф.Пенчула обнаруженные здесь находки античной эпохи. С тех пор на памятнике ведутся археологические исследования (Н.А.Онайко, А.В.Дмитриев, А.Н.Гей, Е.И.Савченко, А.А.Мальшев).

Памятник расположен к ЮЗ от Цемесской бухты у подножия горы Колдун на берегу моря, на двух небольших, прорезанных оврагом возвышенностях. Близость открытого моря, закрывающие от СВ ветра (боры) возвышенности создают здесь более мягкий, чем в Цемесской бухте микроклимат. Наблюдения за разрушением берега прибором позволяют предположить, что в древности площадь поселения была намного больше: за 2000 лет береговая полоса отодвинулась не менее чем на 200 м. О хронологии памятника можно судить по соотношению обнаруженных здесь монет: $\frac{2}{3}$ датированы 2 в. н.э., монет рубежа эр чуть больше, чем монет нач. 3 в. н.э. По сравнению с количеством монетных находок на боспорских поселениях Тамани и Крыма, число обнаруженных монет (в основном боспорских) невелико. Среди керамического материала больше всего амфор 2 – 3 вв. н.э., на втором месте – лепная посуда.

Топография поселения, несмотря на значительность вскрытых площадей, во многом еще не ясна. Возможно, античное поселение было основано в 1 в. до или в нач. 1 в. н.э. на мысе. Позднее его площадь расширилась, и была застроена даже часть некрополя 1 в. н.э. Не ясно имело ли поселение оборонительные сооружения. Каменные кладки редки, одна из

них обнаружена в ЮЗ части памятника. Стена шириной ок. 2 м была сложена насухо из массивных морских валунов близких к правильной форме на культурном слое античной эпохи. Выявлен ее участок протяженностью 14 м. Остатки домов фиксируются в виде скоплений обожженной обмазки, отпечатки на кусках которой позволяют считать, что основные постройки были турлучными, с каркасом из прутьев толщиной 1.8 — 2 см, либо тонких плах, затем обмазанных глиной с примесью рубленного тростника. Следы столбовых конструкций не зафиксированы. Культурный слой, а также заполнение ряда ям представлял собой слой пожарища. По всей исследованной раскопками 1996 г. площади обнаружены ямы с человеческими скелетами в придонной части. В основном это молодые женщины (до 30 лет) и дети. Неестественные позы костяков и их количество (до 5 в некоторых ямах) говорят о масштабах постигшего поселение разгрома. В одних ямах расчищены просто завалы из тел, в других положение костяков такое, как будто жители прятались в хозяйственных ямах и задохнулись от дыма мощного пожара. Человеческие кости найдены и в одном из завалов обмазки. Материалы из заполнения ям позволяют отнести это событие ко времени не ранее середины 3 в. н.э. Керамика из ям слоя разгрома близка горгиппийской, связанной с гибелью города ок. 240 г. (Алексеева 1997, Табл. 215-216).

Некрополь поселения – самый эллинизированный в регионе и сопоставим с некрополями боспорских городов. В нем широко распространена боспорская погребальная обрядность: захоронения в деревянных гробах (гвозди в 37 погр.), обол Харона (в 22 погр.), золотой веночек, малочисленность сероглиняной посуды в сравнении с разнообразием и количеством краснолаковой и стеклянной посуды (Дмитриев 1996, 67). Материалы некрополя свидетельствуют о непрерывности его существования на протяжении 3 веков. Одно из самых поздних погребений датируется статером Савромата III ок. 230 г. н.э.

На поселении обнаружены зерна ячменя, ржи, проса, и винограда. С морем были связаны и промысел, о котором свидетельствуют находки грузил, поплавков, рыбьей чешуи и костей (при отсутствии рыбозасолочных цистерн), и торговля, на которую накладывала отпечаток удаленность от Боспора, и исполнение функций базы провианта и воды на подступах к Боспору. На поселении нет находок надписей, скульптуры, светильников, немногочисленны терракоты, что отличает его от синхронных боспорских. Керамика, приемы домостроительства имеют параллели с прикубанскими памятниками (Онайко 1984, 91). На берегах Цемесской бухты, как и по побережью далее на ЮВ, не известны памятники, сопоставимые с Мысхакским поселением и некрополем. В течение трех веков оно выполняло роль форпоста Боспора на ЮВ, но определить его статус в системе государства можно только предположительно

К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО ДАГЕСТАНА АЛБАНО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Северный Дагестан включает Терско-Кумскую (Ногайская степь) и Терско-Сулакскую (Кумыкская равнина) низменности, являвшиеся еще 1,5 – 2,5 тыс. лет назад богатой и плодородной зоной Северо-Западного Прикаспия, что способствовало ее освоению древними племенами и развитию здесь оседло-земледельческого и кочевого скотоводческого хозяйств.

Археологические исследования на территории Северного Дагестана выявили большое количество бытовых и погребальных памятников, позволяющих воссоздать этническую историю, осветить вопросы социально-экономического и культурного развития этого региона в сарматский период.

Анализ имеющихся на сегодняшний день археологических материалов позволяет констатировать, что первая волна проникновения кочевых племен сарматского круга на территорию Северного Дагестана приходится на 2 – 1 вв. до н.э., и может связываться с аорским племенным объединением, остававшимся ведущей политической силой Северо-Западного Прикаспия до середины 1 в. н.э. Второе массовое проникновение ираноязычных кочевников в данный регион приходится на конец 1 – нач. 2 вв. н.э. и связывается с фиксируемым письменными источниками этого времени аланским союзом племен, игравшим большую военно-политическую роль вплоть до гуннской эпохи (конец 4 – нач. 5 вв.).

Данные археологии подтверждают высказанные в научной литературе мнения о своеобразном синкретическом характере культуры Северного Дагестана албано-сарматского времени, в сложении которой приняли участие автохтонные оседло-земледельческие и пришлые сармато-аланские племена.

О ДВУХ ПОДХОДАХ К ПОИСКУ ПРЕДКОВ ИСТОРИЧЕСКИХ АЛАН. ПЕРСПЕКТИВЫ ТРЕТЬЕГО ПОДХОДА*

Вопрос об этнических истоках средневековых алан Кавказа до сих пор остается дискуссионным. С.А.Яценко в одной из работ насчитал семь взаимоисключающих концепций и дополнил их восьмой (Яценко 1993, 60). При этом для решения проблемы чаще всего анализируется погребальный обряд: захоронения "классических" алан 5 – 12 вв. сравнивают по ряду характеристик с погребениями предполагаемых предшественников, находя, либо не находя, искомое сходство.

Наметилось два подхода к отбору сравниваемых признаков. Первый из них можно назвать "метод густой гребенки", который сформулирован В.Б.Ковалевской: "Только после того, как все виды погребальных сооружений для сармато-аланского периода на Северном Кавказе будут описаны по детализированному коду...все эти детали начинают служить для определения хронологических или территориальных различий...когда они подсчитаны и сравнены между собой" (Ковалевская 1984, 92).

Второй подход предполагает использование одного или нескольких признаков, которые тот или иной исследователь считает бесспорно аланскими, и по наличию их в той или иной культуре эпохи позднего эллинизма и римского времени "находит" памятники предков алан. Примером такого подхода служит целая серия работ 1950-х — 80-х гг., в которых единственным бесспорным признаком протоалан считался катакомбный обряд погребения. Среди них выделяется программная статья К.Ф.Смирнова (1972). Сравнительно недавно вышла работа Б.А.Раева и С.А.Яценко (1993), в которой для выделения памятников ранних алан были предложены 11 признаков.

Рассмотрим степень рациональности этих подходов. **Всесторонний анализ всех без исключения** признаков обряда алан и их вероятных предков ведет к созданию матриц чудовищного формата, перегрузке ЭВМ, и при этом дает весьма расплывчатые результаты. Последнее естественно: этногенетические исследования требуют использования только того набора признаков, которые отвечают их цели. Обрядность же языческих обществ была чрезвычайно сложна и многопланова, она учитывала не только этническую специфику, но и социальную стратификацию, особенности разных периодов, вид смерти и др. факторы. Целый ряд признаков, которые перемалываются ЭВМ может быть связан именно с этими внеэтническими характеристиками обряда. Неудобство метода "густой гребенки" наглядно демонстрируется в работе автора об этногенезе алан (Берлизов 1990), сборнике, посвященном социальной организации савроматов (Мошкова, Дженито 1994) и особенно в

работе И.И.Марченко о сарматах правобережья Кубани (1996), где 229 погребений сравнивались по 41 признаку вообще неизвестно зачем.

Малопродуктивным выглядит и "выдергивание" отдельных признаков или их сочетаний, основанное на интуиции. Справедливой критике подвергла М.Г.Мошкова (1983) попытки выделения раннеаланских древностей на основании наличия в той или иной культуре погребений в катакомбах. Не выдерживает проверки на "аланство" и 11 признаков, выделенных Б.А.Раевым и С.А.Яценко; только 1 из них фигурирует в обряде средневековых алан и все они достаточно широко разбросаны среди различных культур раннего железного века, а один встречен еще в майкопской АК.

Очевидно, что необходим некий критерий для выделения этноопределяющих деталей погребального обряда, независимый от наших привязанностей, внеобрядовый, присутствующий в достаточном количестве ненарушенных погребений алан средневековья и более ранних. Им может служить антропологический тип погребенного, безусловно связанный с этнической спецификой, но в большинстве случаев археологами игнорируемый. Сейчас опубликованы значительные выборки краниологических материалов из аланских могильников 5 – 12 вв. и памятников скифского и сарматского времени. Правда сарматский период на Кавказе представлен достаточно ущербно* здесь исследованы серии только из меотских могильников, и проигнорирован огромный материал, накопленный в ходе новостроечных работ 1970-80-х гг. и гибнувший на экспедиционных базах и в фондах музеев. Вместе с тем, предков алан ищут в среде сарматов, скифов, массагетов, юэчжи, усуней, пазырыкцев, а их антропология изучена вполне доброттно.

Для выявления этноопределяющих признаков погребального обряда алан и их вероятных предков в работе мною использована исходная матрица признаков мужских погребений, приведенная в диссертации автора (1990, матрица 2а). В число признаков был введен антропологический тип. Выяснилось, что он коррелирует со сравнительно небольшим набором деталей обряда. Практически тот же набор описывался фактором III после фактор-анализа матрицы, проведенного в 1990 г. (Берлизов 1990а, Таб. 6). В этот набор вошли: общая поза погребенного, положение рук, ног, бусы на ногах или руках, застежки в погребении, положение в погребении миски, количество сосудов, помещенных с одним погребенным, план и разрез погребального сооружения. Этот набор с большой долей вероятности можно считать этноопределяющим для средневековой аланской, меотской, посткобанской, позднескифской, каунчинской и ряда других культур и культурных групп, материалы которых анализировались в матрице.

Для эксперимента по данным характеристикам было проведено сравнение 44 мужских аланских погребений 5 – 8 вв. с предшествующими по времени мужскими погребениями из курганных и грунтовых могильников Кавказа и позднесарматских могильников 3 – первой пол. 4 вв. Для этого были рассчитаны эвклидовы расстояния между объектами в 10-мерном пространстве. Расчеты проведены сотрудником КГИАМЗ А.П. Венидиктовым. На приведенном графике (Табл. 1) показаны объекты наиболее близкие раннесредневековым. В 12 случаях из 44 аланские погребения 5 – 8 вв. оказались теснее всего связаны с аланскими же. В 13 – с катакомбными погребениями 2–первой пол. 4 вв. из Дагестана и Притеречья, в 7 – с катакомбными погребениями из грунтовых могильников Центрального Предкавказья (Ниж. Джулат, Чегем, Клин-Яр III, Подкумок, Алхасте), в 6 – с катакомбными же позднесарматскими, неотличимыми по набору деталей обряда от Терско-Дагестанских (Ср.: Берлизов, Каминский 1993). Иные варианты сходства единичны: так 2 погребения Клин-Ярского могильника более всего оказались похожи на одно из захоронений Таркинского некрополя, а захоронения из Гиляча в двух случаях ближе всего позднемеотским, а в одном – сарматскому из Восточного Закубанья.

Полученные результаты кажется подтверждают концепции, связывающие сложение аланской общности на Кавказе в первую очередь с пришлыми ираноязычными племенами. Напомню, что поиски истоков катакомбного обряда погребения сарматского времени на Кавказе позволяют говорить о значительной роли поздних скифов Крыма и массагетов Таласа и Ферганы в появлении грунтовых катакомбных могильников Центрального и курганных — СВ Предкавказья. С ними по набору этноопределяющих признаков в большинстве случаев оказываются сходными погребения раннесредневековых алан.

Эти наблюдения позволяет дополнить анализ краниологических материалов. До сих пор антропологи обращали внимание на серии черепов из аланских могильников в связи с исследованиями этногенеза осетин (Алексеев 1974; Герасимова 1994). Для реконструкции ранних этапов собственно аланского этногенеза использовались немногочисленные и оторванные от средневековых промежутками от 300 до 1000 лет материалы из кобанских и меотских могильников.

С учетом приведенных соображений, а также гипотез о ранних этапах аланского этногенеза, было проведено сравнение средних величин мужских черепов из аланских могильников 5 – 12 вв., опубликованных В.П.Алексеевым (1974) и М.М.Герасимовой (1986) со средне- и позднесарматскими, позднескифскими, среднеазиатскими, сибирскими, меотской сериями (Табл. 2). Для сравнения использовались и результаты обмеров 3 черепов из подбойно-катакомбных подкурганых погребений под Моздоком,

катакомбы нач. 3 в у с. Алхасте, катакомб Мингечаура и катакомбы 3 – 4 вв. из Джемикета. Серии сравнивались методом расчета эвклидовых расстояний.

Результаты, относящиеся к аланским сериям однозначны и подтверждают картину, которую дает анализ погребального обряда (Табл. 3). Получены три цепочки связей, которые можно считать генетическими. В первую вошли серия из Байтал-Чапкана (5 – 7 вв.), череп из Алхасте (3 в.), серия из Золотой Балки (конец 1 в. до – середина 1 в. н.э.). Во вторую – серии из Змейска и Адиюха (10 – 12 вв.), Дуба-Юрта (9 – 10 вв.), Мощевой Балки (8 – 9 вв.), Гамовской Балки и ущелья Балабанка (5 – 7 вв.) и Неаполя Сифского (2 в. до – 2 в. н.э.). В третью – серии из Адиюха (9 – 10 вв.), Верхнего Чир-Юрта (5 – 7 вв.) и катакомб Исфари (1 – 3 вв.).

В первых двух цепочках представлены европеоидные долихокранные черепа с высоким лбом, резко выступающим носом, достаточно массивные. Этот тип Г.Ф.Дебец назвал "протоевропеоидным" и отмечал его массовое распространение у носителей ямной и срубной культур, а также у скифов Причерноморья. С ним же автор сравнивал черепа из Мощевой Балки (Дебец 1948, 108 сл., 159 сл., 181, 272). Черепа третьей цепочки мезобрахикранны, с широким или среднешироким лицом известны с эпохи бронзы у носителей катакомбной культуры (Бунак 1953, 360 сл.). В скифское время тип отмечен в курганах под Моздоком (Бунак 1953, 360 сл.), в Приуралье (Дебец 1948, 146 сл.; Кондукторова 1962), в Северном Причерноморье (Дебец 1948, 160; Круц 1982, 230; Фирштейн 1966). Он характерен для сармат Приуралья и астраханского Заволжья и встречается в ряде культур Средней Азии, правда с монголоидной примесью (Акимова 1968; Гинзбург, Трофимова 1972; Фирштейн 1970). Его называют памиро-ферганским, степным, либо типом среднеазиатского междуречья.

Сравнение краниологических серий как будто подтверждает ранее сделанный вывод о решающей роли потомков скифских и массагетских племен в аланском этногенезе (Берлизов 1990; 1996; Берлизов, Каминский 1993). Безусловно, эти предварительные выводы нуждаются в проверке, и прежде всего антропологами, что обусловлено задачами данной работы, сформулированными в ее начале.

Литература

- Акимова 1968: Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.
Алексеев 1974: Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М.
Берлизов 1990: Берлизов Н.Е. Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений II в. до н.э. — III в. н.э.). Канд. дисс. ЛГУ.

Берлизов 1996: Берлизов Н.Е. Аланы – скифы. Историко-археологический альманах, вып. 2. М., -Армавир. Берлизов, Каминский 1993:

Берлизов Н.Е., Каминский В.Н. Аланы-маскуты, Давань и Кангой. ПАВ, 7.

Бунак 1953: Бунак В.В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении. Сб. МАЭ, XIV.

Герасимова 1984: Герасимова М.М. Краниология могильника Мощевая Балка. Археологические открытия на новостройках, вып. 1.

Герасимова 1994: Герасимова М.М. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин. СЭ, № 3.

Гинзбург, Трофимова 1972: Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.

Дебец 1948: Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. (Тр. ИЭ. и.с. Т.IV). М., -Л.

Ковалевская 1984: Ковалевская В.Б. Кавказ и Аланы. Века и народы. М.

Кондукторова 1962: Кондукторова Т.С. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области. ВА, № 11.

Круц 1982: Круц С.И. Палеоантропологические материалы из кургана Желтокаменка. Древности степной Скифии. Киев.

Марченко 1996: Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар.

Мошкова 1983: Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе. История и культура сарматов. Саратов.

Мошкова, Дженито 1994: Мошкова М.Г., Дженито Б. Савроматская эпоха (VI — IV вв. до н.э.). В кн.: Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии, вып. 1. М.

Раев, Яценко 1993: Раев Б.А., Яценко С.А. О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе. Скифия и Боспор. Новочеркасск.

Рычков 1980: Рычков Н.А. Статистический анализ погребального обряда племен ямной культуры. Теория и методы археологических исследований. Киев.

Рычков 1981: Рычков Н.А. Оценка представительности и характера распределения признаков погребальных памятников. Методологические и методические вопросы археологии. Киев.

Рычков 1983: Рычков Н.А. О трех критериях сравнительного анализа погребальных памятников. Новые методы археологических исследований. Киев.

Смирнов 1972: Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья —

Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа. СА, № 1.

Фирштейн 1966: Фирштейн Б.В. Черепа из Александропольского скифского кургана. ВА, № 22.

Фирштейн 1970: Фирштейн Б.В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении. В кн. Тот Т.А., Фирштейн Б.В. Авары и сарматы. Л.

Яценко 1993: Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I—II вв. н.э. ПАВ, 3

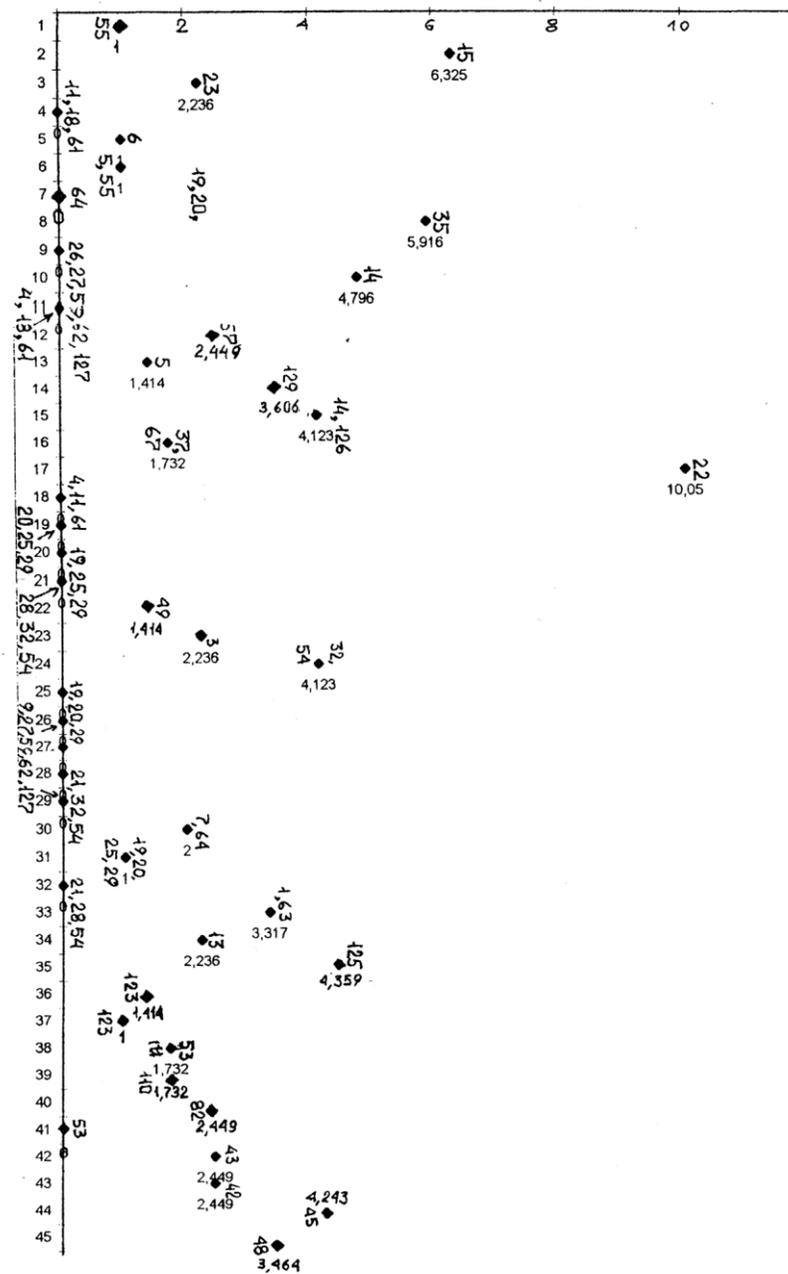

Таблица 1. Аланские погребения 5-8 вв. и максимально приближенные к ним объекты. По оси абсцисс - номера объектов (= номерам Матрицы 1), по оси ординат - евклидовы расстояния

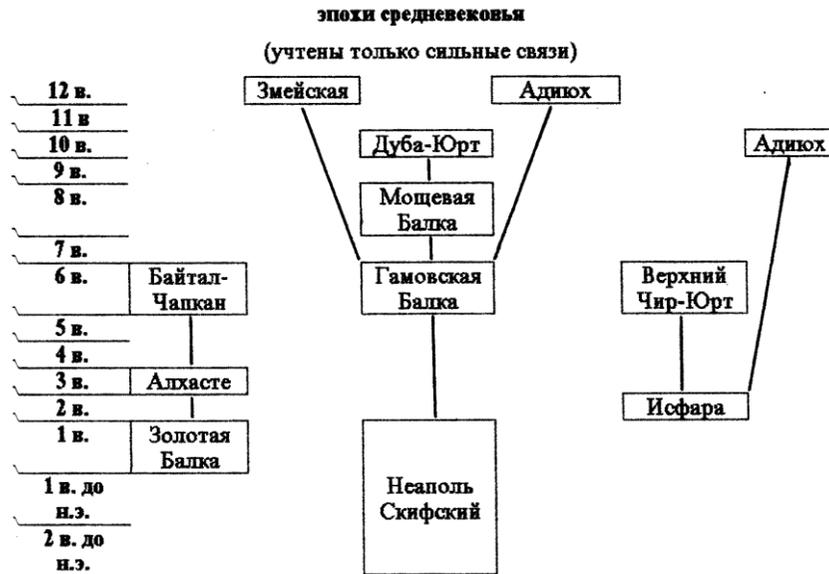
Номера серий Признаки по Мартину										
	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	40. Длина основания лица	45. Скуловой диаметр	48. Верхняя высота лица	55. Высота носа	54. Ширина носа
1	183.3	14.3	134.5	103	101.21	100.6	137.1	65.2	49.7	25
2	183.8	14.6	135.5	102.2	97.1	98	135.1	71.3	52.3	24.6
3	185	138.5	135	108	99.7	95.8	137.9	74.4	54.3	25.2
4	179.4	138.8	129.2	97.7	93.8	95.5	134.5	69.3	52	24.1
5	184.8	139.2	134.6	100.4	95	96.2	132.9	69.7	50	24.9
6	185.5	139.8	133.6	99	96.3	96.5	130.9	71.7	51.5	24.4
7	185.4	140.2	135.7	102.2	96.2	97.2	133.1	71.3	50.7	24.7
8	176.1	140.4	136.2	104.3	96	97.1	136.2	73.8	53.1	25.1
9	181.5	140.7	135	101.3	95.1	92.5	133.4	70.8	52.1	24.8
10	180	141.5	140	99	98.3	92.3	139.5	72.3	52	23.3
11	190	144	136	104	91	97	138	73	54	25
12	183.5	149	135	99	99	95	140.5	72.5	54	27.5
13	177.5	143.7	136.2	101.7	95.9	98.1	136.9	73	52.8	25.8
14	178	148.9	139.3	103.2	97.6	98.4	137.4	70.1	51.3	25
15	167.9	154	140.8	99	96.2	96.3	140.5	70.7	52.5	24.9
16	185.3	140.3	141.7	103.7	100.6	98	135	70	51	25.9
17	188.4	139.7	137	104.4	101.1	101	134.7	71.8	51.7	25.1
18	182.8	147.5	138.4	103.4	96.3	99.2	139.5	71.8	52.1	26.2
19	186.5	145.3	136	98	94.5	86	134	71.3	51.5	21
20	180	133	138	102	98	94	129	68	51	25
21	188.5	140	138	102	95.3	104	133.3	69.3	52.5	23.6
22	178	150	134	99	95	102	142	76	57	25
23	188.8	135.4	135.1	105.4	98.9	99.3	131.7	71.7	53.7	25.3
24	177	137	136	108	98.5	98	129	67	48.5	25.5
25	183.6	140.5	136.5	103.5	96.6	98.2	133.3	71.9	51.6	24.2
26	187.9	141.4	138.6	104.6	100.7	99.4	134.4	71.6	53.2	24.9
27	189.7	138.8	138.1	103.7	97.7	95.8	132.8	70.8	52.8	24.5
28	179.4	139.2	134.6	100	96.6	97	128.6	69.8	51	25.4
29	183.1	142.2	135	102.4	97.6	97.4	132.3	73.2	51.7	24.2
30	185.1	143.9	136.1	101.7	98.7	99	136.2	70.4	51.9	25.6
31	177.5	141.7	135.8	101.5	96.3	95	135.7	70.7	51.9	25.2

Табл. 2. Средние величины некоторых краниометрических признаков средневековых алан и их вероятных предков

1. Сарматы Задонья (1 в. до н.э.— 1 в. н.э.); 2. Сарматы Заволжья (1 в. до н.э.— 1 в. н.э.); 3. Сарматы 2—4 вв. (деформир. черепа); 4. То же (недеформир.); 5. Золотая Балка; 6. Николаевка; 7. Неаполь Скифский; 8. Кенкол; 9. Исфара; 10. Гур-Мирон; 11. Хазара; 12. Янги-Юль; Мог. типа Кенкола; 14. Тулкар; 15. То же (деформир. черепа); 16. Арук Тау; 17. Тагарская АК (4—2 вв. до н.э.); 18. Шибэ; 19. Меоты (Усть-Лабинск); 20. Алхаста; 21. Моздок 2 — 3 вв.; 22. Джемиксит; 23. Мингечаур, катакомбы; 24. Байгал-Чапкан; 25. Гамовская Балка; 26. Мощевая Балка; 27. Дуба-Юрт; 28-29. Аджох 9 — 10 и 10 — 12 вв.; 30. Змейская; 31. Верхний Чир-Юрт.

51. Ширина орбиты	52. Высота орбиты	32. Угол лба	72. Общий лицевой угол	75(1). Угол носа	8:1. Черепной указатель	48:45. Верхнелицевой указатель	54:55. Носовой указатель	77. Назомаллярный угол	Энтомаксиллярный угол
42.3	31.3	84.5	89	34	78.4	47.5	50.3	134.8	126
41.5	33.3	81.7	85.7	29.1	78.6	52.7	47	138.6	129.7
44.4	33.8	75.1	86.3	28.3	74.8	53.9	47.4	137.2	130
41.4	32	81.6	85.8	33.2	77.4	51.5	46.3	136.2	133.2
41.3	32.9	81.7	85.5	32.8	75.2	52.4	49.8	136.7	124
41	32.4	83.6	85.6	32.7	75.3	54.8	47.3	137.2	125.5
40.7	32.9	83.8	84.6	29.8	75.4	53.5	48.7	137.6	124.6
42.6	34.6	78.8	86.2	25.5	78.3	54.2	47.2	139.8	128.9
41.3	33.3	—	87.2	32.1	78.4	53.4	47.6	143.9	128.5
42.7	34.7	80	83	23	78.6	49.8	44.9	143.5	128.3
—	33	82	89	—	75.8	52.9	46.3	143.3	130.6
41.5	32.5	89	88	21.5	81.2	51.6	50.9	135.5	—
42.5	34.7	80.6	85.6	16.9	80.9	53.3	49	140.9	131.3
42.3	32	80.4	84.6	29.7	83.6	51	48.7	140.3	130.9
42	32.5	78.4	84.6	29.7	91.7	50.3	47.4	144.5	130.1
43.1	32.9	87	86.3	35.9	75.9	51.8	50.9	136.5	127.2
44.2	32.7	84.8	86	27	74.7	53.7	48.5	140.3	129.4
45.9	33.4	82.6	86	29.1	80.7	51.4	50.3	146.3	133
41	34.5	80	88	31	77.9	53.2	40.8	—	—
43.4	33	81	84	32	73.9	52.7	49	—	—
42.5	31.7	82	82	27.6	74.5	52	44.9	141.7	128.5
41	34.5	80	86	13	84.3	53.5	43.8	143	140
42.6	33.1	80.5	85.3	30.4	71.9	54.4	47.1	136.8	124.7
42.2	33	83	85	24	77.4	51.9	52.6	139	126
42.3	32.4	82.9	87.5	27.9	76.5	53.9	46.9	137.9	122.9
42.9	33	82.7	88	31.9	75.1	53	47.2	136.8	125.6
42.2	31.6	84.8	91	31	72.4	53.3	46.4	135.4	122
41.6	34.5	88	82.6	29.8	77.6	54.3	49.8	146	121
43.5	33.1	83.7	86.3	32.3	77.6	55.3	46.8	139.3	124.5
41.5	31.7	86.6	85.4	32.4	79.4	51.7	49.3	139	124.6
41.8	32.6	83.5	88.2	35.2	80	52.1	48.5	137	128

Таблица 3. Графы связей краниологических серий из аланских могильников

Приложение

Код для описания этноопределяющих признаков погребального обряда

IV. Общая поза погребенного: 1-на спине вытянуто; 2-ничком; 3-скорченно на левом боку; 4-вытянуто на левом боку; 5-скорченно на правом боку; 6-вытянуто на правом боку.

Va. Положение левой руки.

0. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10.

V6. Положение правой руки.

0 — 10 Аналогично Va.

VI. Положение ног.

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9.

XII6. Бусы в погребении-2

0 — отсутствуют; 1 — на руках; 2 — на ногах; 3 — 1+2.

XIII. Застежки в погребении.

0- отсутствует; 1- у головы; 2- под головой; 3- справа; 4-1+2; 5-1+3; 6-2+3; 7-на груди

XXIV. Миска в погребении-1.

0- отсутствует; 1- у головы; 2- под головой; 3- справа; 4- 1+3; 5-2+3; 6-на груди.

XXXI. Количество сосудов с одним погребенным — по числу сосудов.

A. План погребального сооружения

0-нет данных; 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

Б. Разрез погребального сооружения.

0-нет данных; 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11

МАТРИЦА 1

№	КОМПЛЕКСЫ	ПРИЗНАКИ									
		IV	Va	V6	VI	XII6	XIII	XXIVa	XXXI	A	B
1	Лермонтовская скала II п. 10 а	1	1	1	7	0	0	0	1	8	8
2	— п. 10 б	6	5	8	7	0	1	0	5	8	8
3	— п. 11	1	1	1	1	0	3	0	6	8	8
4	Кугуль п. 6 а	1	1	1	1	0	0	0	2	8	8
5	— п. 6 б	1	1	1	8	0	1	0	2	8	8
6	— п. 8	1	1	1	8	0	1	0	1	8	8
7	Балга п. 1	1	1	1	1	0	3	0	0	8	8
8	— п. 4	6	10	10	7	7	7	7	1	8	8
9	— п. 5 в	1	1	1	1	0	0	0	1	8	8
10	Байтал Чапкан п. 3 (III в.)	1	3	8	9	0	0	1	2	8	8
11	— п. 7	1	1	1	1	0	0	0	2	8	8
12	— п. 10	1	2	2	5	0	5	0	1	8	8
13	— п. 14	1	1	1	8	0	0	0	3	8	8
14	— п. 17	1	5	5	9	0	3	0	2	8	8
15	— п. 29	1	5	5	8	0	3	0	6	8	8
16	Бермаьт п. 2 б	1	1	2	7	0	3	0	1	8	8
17	Мокрая Балка п. 1 а	1	1	0	1	0	5	0	4	8	8
18	— п. 4 а	1	1	1	1	0	0	0	2	8	8
19	— п. 13	1	1	1	1	0	3	0	2	8	8
20	— п. 24	1	1	1	1	0	3	0	2	8	8
21	— п. 15 а	1	1	1	1	0	0	0	3	8	8
22	— п. 39 а	1	1	1	1	0	5	0	4	8	8
23	— п. 40 б	1	1	1	1	0	5	0	7	8	8
24	— п. 50	1	5	1	1	0	0	0	4	8	8
25	— п. 59	1	1	1	1	0	3	0	2	8	8
26	Березовский II п. 3 а	1	1	1	1	0	0	0	1	8	8
27	— п. 5	1	1	1	1	0	0	0	1	8	8
28	— п. 7	1	1	1	1	0	0	0	3	8	8
29	— п. 8 а	1	1	1	1	0	3	0	2	8	8
30	— п. 8 г	1	1	1	1	0	5	0	0	8	8
31	Задвижка п.	1	1	1	1	0	3	0	3	8	8
32	Клин-Яр III (1969) п. 17 а	1	1	1	1	0	0	0	3	8	8
33	— п. 18	1	4	0	7	0	0	0	0	8	8
34	— п. 19	1	1	1	9	0	0	0	5	8	8
35	— (1983) п. 3	1	9	9	8	0	0	0	0	8	8
36	— п. 9	1	0	0	8	0	3	0	3	8	8
37	— п. 6	1	1	1	8	0	3	0	2	8	8
38	Гиляч п. 16 а	1	1	1	1	0	0	0	1	1	2
39	— п. 18 а	1	1	1	1	0	3	0	2	1	2
40	— п. 28 а	1	2	1	8	0	1	0	3	2	3
41	— п. 30	1	1	1	1	0	1	0	1	2	3
42	(1965) п. 2	1	1	9	9	0	3	0	5	1	2
43	— п. 4	1	2	9	9	0	5	0	6	1	2
44	Гоуст п. 8 а	1	3	8	1	0	0	0	1	6	8
45	Верхний Алкун п. 2 а	1	5	5	1	0	0	0	2	8	8
46	Подкумок п. 11 к. 2 б	1	1	1	1	0	3	0	1	7	8
47	Клин-Яр III (1968) п. 13 а	1	1	7	1	0	5	1	5	8	8
48	Нижний Джудат п. 33 а	1	5	5	1	0	3	0	1	9	7
49	Алхасте п. 1 а	1	1	1	1	0	5	1	3	8	8
50	Нижний Джудат п. 77	1	8	5	2	0	3	0	1	8	7
51	Клин-Яр (1968) п. 6	1	1	1	1	0	5	0	2	8	9
52	— п. 3	1	1	1	1	0	0	0	0	8	8
53	— п. 4	1	1	1	1	0	1	0	1	2	3
54	— п. 5	1	1	1	1	0	0	0	3	8	8
55	Паласа-Сырт (1983) к. 40	1	1	1	8	0	0	0	1	8	8

56	—	к. 52	1	9	1	9	0	3	0	4	8	7
57	—	(1957) к. 1 а	1	2	2	6	0	3	0	0	8	8
58	—	к. 2 а	1	1	1	1	0	0	0	1	6	8
59	—	к. 4	1	1	1	1	0	0	0	1	8	8
60	—	(1880) к. h	1	1	1	1	0	0	0	0	8	8
61	—	к. f	1	1	1	1	0	0	0	2	8	8
62	—	к. g	1	1	1	1	0	0	0	1	8	8
63	—	к. i	1	1	1	1	0	0	0	0	8	8
64	—	к. 3	1	1	1	8	0	3	0	0	8	8
65	Алды (1882) к. 69		1	1	1	1	0	0	1	3	8	8
66	Моздок (1936) к. 8		1	1	1	1	0	0	3	4	8	8
67	Казанская (1901) к. 44 б		1	1	1	1	0	1	0	1	12	6
68	—	к. 49 б	1	1	1	1	0	0	0	0	12	6
69	Устб-Лабинская (1902) к. 29		1	1	1	1	0	0	0	0	12	6
70	—	к. 32	1	1	1	1	3	1	0	7	12	6
71	Тифлисская (1902) к. 15		1	1	1	1	1	3	0	4	12	6
72	Михайловская (1985) к. 8 п. 7		1	1	1	1	0	0	0	0	12	5
73	Казанская (1901) к. 6		1	1	1	1	0	0	0	2	3	3
74	Воздвиженская к. 1		1	1	1	1	0	5	0	8	3	3
75	Ярославская (1896) к. 1 а		1	1	1	1	0	0	0	6	3	3
76	—	к. 1 б	1	1	1	1	0	0	0	6	3	3
77	Лысая Гора (1913) к. 1		1	1	1	1	0	3	0	1	5	8
78	Михайловская (1982) к. 2 п. 14		1	0	1	5	0	5	0	7	3	3
79	Песчаный городок (1900) к. 1		1	1	1	1	0	1	0	5	3	3
80	ПКОС (1985) к. 1 п. 17		1	1	2	9	0	3	0	0	2	3
81	Водный (1978) к. 1 п. 1		1	1	5	9	0	3	0	5	2	3
82	Раздольная к. 18 п. 8		1	1	1	9	0	1	0	1	2	3
83	х. Городской п. 1		1	1	1	2	0	5	0	3	8	5
84	—	п. 5	1	1	1	2	0	5	0	0	5	8
85	—	п. 6 а	1	1	1	8	0	1	0	1	5	8
86	—	п. 7 а	1	1	1	9	0	1	0	1	5	8
87	—	п. 8	1	8	8	1	0	0	0	0	5	8
88	Усть-Лабинск (1936) п. 1		1	1	1	1	0	0	0	1	0	0
89	—	п. 7	1	2	2	1	0	1	3	4	0	0
90	—	п. 8	1	1	2	1	0	1	3	4	0	0
91	—	п. 10	1	3	4	1	0	0	3	3	0	0
92	—	п. 12	1	1	1	1	0	0	0	2	0	0
93	—	п. 13	1	1	4	1	0	0	0	2	0	0
94	—	п. 17	1	2	2	7	0	0	3	1	0	0
95	—	(1938) п. 33	1	1	1	8	0	5	1	3	5	8
96	—	п. 71	1	1	1	1	0	0	3	3	0	0
97	—	п. 81	1	1	1	1	0	1	3	4	5	8
98	—	п. 88	1	4	2	1	2	3	2	5	5	8
99	—	п. 101	1	1	1	1	0	0	2	1	0	0
100	Ясенева поляна п. 16		1	1	1	1	0	5	0	1	0	0
101	—	п. 17	1	9	9	1	0	0	0	0	0	0
102	Елизаветинская (1978) п. 31		1	0	2	9	0	1	0	2	2	3
103	—	п. 36	1	1	1	1	0	5	0	1	2	3
104	—	п. 86	1	1	9	9	0	0	3	2	2	3
105	—	п. 90	1	2	2	8	0	0	6	2	2	3
106	Корца, подножие бугра п. 3 б		3	8	5	7	0	5	0	0	2	3
107	—	лесная поляна п. 3	3	1	5	7	0	6	0	0	2	3
108	Кобань, сев. кладбище п. 6 А 1		5	5	8	7	0	1	0	1	2	3
109	—	п. 6 2	5	5	8	7	0	1	0	1	2	3
110	Кобань, зап. кладбище п. 4		1	1	1	1	0	3	0	1	2	3
111	—	п. 6	1	1	1	1	0	0	0	2	2	3
112	Лехкч-Корт п. 2		1	1	1	1	0	1	0	3	2	1
113	—	п. 4	1	7	5	1	0	0	0	0	1	2
114	Калкни п. 3		1	1	1	1	0	3	0	0	1	2

115	Тарки (1947) п. 13		1	5	1	1	0	0	0	4	2	3
116	— (1948) п. 19		1	2	2	1	0	0	0	3	2	3
117	—	п. 24	1	7	7	1	0	3	0	2	1	2
118	—	п. 30	1	1	2	1	0	3	0	4	2	3
119	—	п. 27	1	2	4	1	0	3	0	0	2	3
120	Мартьяновка к. 14		1	1	1	9	0	3	0	0	9	8
121	Ростов к. 6 п. 8		1	1	1	1	0	7	1	6	8	8
122	Четыре Брата к. 3 п. 6		1	2	2	1	0	3	0	1	8	8
123	Высочино VII к. 12		1	1	0	8	0	3	0	2	8	8
124	Маевка к. 1 п. 8		1	2	2	8	0	0	0	1	10	8
125	Ново-Подкряж к. 3 п. 8		1	6	6	7	0	0	0	0	8	8
126	Мартьяновка к. 18		1	7	7	9	0	5	0	4	8	8
127	Суклея (1909)		1	1	1	1	1	1	1	2	8	8
128	Дмухайловка к. 13		1	5	1	9	0	0	0	3	8	8
129	Пролетарий гр. XXX к. 2 п. 7		1	5	5	9	0	0	0	0	8	8
130	х. Балкин к. 3		1	1	2	7	0	3	0	0	4	4
131	Танаис (1972) к. 12 п. 1		1	1	1	1	0	3	0	4	11	7
132	Жутово к. 38		1	2	8	9	0	1	0	4	4	4
133	Казакилия к. 10		1	1	1	1	0	0	0	2	12	8
134	Новосельское к. 9		1	1	1	1	0	5	0	1	12	8
135	Политотдельское к. 12		1	1	1	1	0	3	0	0	2	3
136	Калиновка к. 50		1	1	1	1	0	0	0	1	5	8
137	Боаро к. Е 24		6	1	1	7	0	1	0	0	2	3
138	х. Шульдц к. F 8		1	1	1	1	0	1	0	1	2	3
139	Харьковка III к. 4		1	1	1	1	0	3	0	1	2	3
140	Центральный к. 16 п. 8		1	2	1	8	0	5	0	0	5	8
141	Вост. Маньч к. 39		1	1	1	1	0	0	1	4	5	8
142	Журавка к. 9		1	1	1	1	0	0	0	1	5	8
143	Кущын Толга к. 30		1	1	1	9	0	3	0	2	5	8
144	Журавка к. 10		1	1	1	9	0	0	0	1	5	8
145	Ново-Александровка I к. 17		1	1	1	7	0	3	0	1	5	8
146	—	к. 20 п. 2	1	5	1	1	0	3	0	3	5	8
147	Новый к. 106 п. 7		1	1	1	1	0	0	0	3	5	8
148	Животинный к. 4		1	7	1	1	0	3	1	2	2	3
149	Алды (1882) к. 61 а		1	1	1	1	0	3	0	1	8	8
150	—	к. 62	1	1	1	1	0	0	1	1	8	8
151	—	к. 68 а	1	1	1	1	0	3	1	2	8	8
152	—	к. 70	1	1	1	1	0	3	1	2	8	8

Нумерация соответствует табл. 1. В скобках указаны годы раскопок. №№ 1-9, 11-45 — аланские погр. 5 — 8 вв.; 10, 46-54 — грунтовые катакомбы Центрального Предкавказья; 55-66, 149-152 — катакомбные мог. 2 — серед. 4 вв. из Притеречья и Дагестана; 67-82 — сарматы Кубани 1 — 2 вв.; 83-105 — меотские погр. 1 — 2 вв.; 106-119 — погр. грунтовых мог. Центрального и Северо-Восточного Кавказа 1 — 3 вв. (посткобанцы ?); 120-148 — позднесарматские погр. 3 — середина 4 вв.

* **От редактора.** Тематика статьи Н.Е.Берлизова находится в области знаний сопредельной науки – антропологии, – методами которой я владею лишь в пределах необходимых полевому археологу. Это не позволило мне взять на себя смелость опубликовать статью в сборнике "Античная цивилизация и варварский мир". Прорецензировать ее я попросил специалистов. Оба отзыва, с разрешения авторов, в качестве приложения публикуются после настоящей работы.

М.М. Герасимова

Некоторые замечания к статье Н.Е.Берлизова "О двух подходах к поиску предков исторических алан. Перспективы третьего подхода".

1. Главным недостатком настоящей статьи является апелляция автора к своим собственным работам, типа: "наглядно демонстрируется в статье автора..." (с. 34), или: "...после анализа матриц, проведенного в 1990 г. (?!) (с.34), "использована исходная матрица, приведенная в диссертации автора..." (с. 34). Однако, ни наглядность, ни анализ в статье никакого отражения не получают, и читателю остается верить автору на слово.

2. Автор противоречит сам себе. Если ни метод "густой гребенки", ни "выдергивание отдельных признаков" не позволяет нам оценить этническую принадлежность могильников, то каким образом он выделил 44 аланских погребения? Исходя из каких критериев?

3. Неверен один из основных посылов автора. Что такое антропологический тип погребенного ? В антропологии давно уже отказались от типологического определения индивидуума, поскольку популяция (или люди, захороненные в могильнике) не есть просто сумма индивидуумов. Она обладает собственными статистическими характеристиками.

4. В какой мере антропологический тип погребенного связан с этнической спецификой? Безусловно, на статистическом уровне одним этническим или этнотерриториальным группам свойственна та или иная комбинация антропологических/краниологических признаков. Однако, так же безусловно, что антропологический тип индивидуума не может быть индикатором этнической принадлежности. Это азы антропологии.

5. В число признаков погребального обряда автор ввел антропологический тип. Каким образом? Как проведена формализация этого понятия? Какой смысл автор вкладывает в это словосочетание?

46

6. Автор статьи предлагает небольшой набор признаков (9), который он считает этноопределяющим. Чем он лучше, чем тот, который был предложен Б.А.Раевым и С.А.Яценко? У последних эти признаки, по мнению автора статьи, "разбросаны среди различных культур раннего железного века". Предложенные самим автором признаки "разбросаны" в средневековой аланской, мотской, посткобанской, позднескифской, каунчинской и ряде других культур и культурных групп. Тогда в чем же их этноспецифичность? Почему именно они являются этноопределяющими?

7. Просмотр матрицы дает минимум информации, поскольку непонятны значения ни римских цифр, ни арабских. Единственно можно сказать, что собственно антропологические данные в эту матрицу не входят. Во всяком случае антропологический материал есть из Гиляла (деформированные черепа), Нижнего Джулата, Моздока и Усть-Лабинска. Но это отдельные, плохой сохранности черепа или очень малочисленные серии. Все. Больше нет.

8. По поводу краниологии аланских серий.

а) Черепа из Байтал-Чапкане деформированные. Поэтому вряд ли правомочно без предварительных статистических процедур напрямую сравнивать их с недеформированными черепами, к тому же с другой территории и из другого времени.

б) Серия из Змейской представляет собой механическую смесь различных антропологических типов и не только европеоидных (Шевченко 1986). Адиюх дает совершенно другой краниологический вариант, достаточно далеко отстоящий по своим суммарным характеристикам и от Дуба-юрта, и от Мощевой Балки. Кстати, откуда у автора данные о черепах из Адиюха? Я сама вычленила эти черепа из суммарной серии, опубликованной В.П.Алексеевым (1974). Однако, там нет данных для того, чтобы разделять черепа на датированные 9 – 10 и 10 – 12 вв. Я была бы весьма благодарна автору за информацию по этому поводу.

В серии из Верхнего Чир-юрта всего четыре недеформированных черепа, остальные деформированные (см. статью Кондукторовой). Кстати, археологу не следует забывать, что в этом могильнике наблюдаются различные обряды погребения, и не все могилы, очевидно, принадлежат собственно аланам.

в) Совершенным архаизмом в настоящее время является апелляция к определению Г.Ф.Дебеца о "протоевропеоидности" ямников, срубников, и уж тем более скифов.

9. Странно, что автор забывает о явлениях синкретизма в культуре и процессах метисации, что с древних времен свойственно населению Северного Кавказа (см. работы Крупнова). Та же Мощевая Балка явно и в антропологии, и в археологии несет на себе следы

47

взаимодействия двух этносов: адыгского и аланского, по антропологии – понтийского и кавказского.

Л. Т. Яблонский

Отзыв на статью Н.Е.Берлизова "О двух подходах к поиску предков исторических алан. Перспективы третьего подхода".

Мне, как человеку, посвятившему значительную часть научной биографии проблемам коннекции данных археологии и антропологии, в принципе, импонирует любая попытка реального воплощения такого подхода со стороны других исследователей. Вместе с тем, необходимо отметить, что при менение его требует, кроме всего прочего, точности формулировок и данных, заимствованных из смежных дисциплин, аккуратности в методических приемах сопоставления. К сожалению, статья Н.Е.Берлизова не отвечает этим требованиям.

Отбросив "метод густой гребенки" и И "априорных" признаков Б.А.Раева и С.А.Яценко, автор полагается на объективность антропологического типа погребенного, который он рассматривает в качестве безусловного этнического маркера.

Общеизвестны, однако, два методологических обстоятельства. Первое состоит в том, что индивид (погребенный) далеко не всегда адекватно отражает антропологическую специфику популяции, к которой он принадлежит, а сама популяция в антропологическом отношении вовсе не есть сумма индивидуумов (подробно об этом написано, например, в многочисленных работах В.П.Алексеева). Второе обстоятельство состоит в том, что механизмы распространения признаков культуры (в том числе — материальной культуры) и антропологии принципиально не совпадают, и далеко не всегда поэтому фиксируется прямая и безусловная связь между теми и другими. Таким образом, не только антропологический тип индивида, но и антропологический тип популяции не могут служить, сами по себе, объективным этническим маркером или объективным критерием.

Статистические расчеты автора основаны на сопоставлении некоего антропологического типа и некоторых признаков погребального обряда. На каком основании выделен автором этот антропологический тип остается неясным. Используемые им серии либо малочисленны, либо краниологически ущербны, так как большинство черепов в них искусственно деформированы, и, следовательно, их метрические параметры определенным образом изменены и не передают исходного физического облика погребенных. Работа с деформированными черепами требует

применения специальных методик, которые автором статьи, судя по всему, не использовались.

В Таблице 2 следовало бы указать численность черепов в каждой серии. Кроме того неясен подход автора к принципу выбора серий, которые он использовал для сопоставления. Это нуждается в специальном комментарии. Нужно заметить, что вопреки уверениям автора на с. 36, краниометрическое сходство необязательно еще есть результат генетических связей, хотя и может его предполагать.

Что же касается археологического набора признаков, использованных в расчетах, то они не менее априорны, чем наборы, которые использовались в работах других археологов. Уже с этих точек зрения результаты статистической обработки, изложенные в статье, представляются некорректными по сути. Истоки катакомбного обряда вовсе не обязательно связывать с поздними скифами Крыма или "массагетами Таласа и Ферганы" (кстати, откуда автор взял, что там жили массагеты; похоже, он, в отличие от Геродота и других древних историков, считает, что массагеты населяли всю территорию Средней Азии и Казахстана, хотя вопрос о географической локализации исторических массагетов остается не менее запутанным, чем проблема археологической идентификации алан). Катакомбный обряд погребения был широко распространен, например, в могильниках Южного Приуралья прохоровского времени (см., напр.: курганы левобережного Илека, Вып. 1-4).

И, наконец, главное. Критикуя своих предшественников за необъективность или даже бессмысленность их подходов, пытаясь выявить могильники, принадлежавшие этническим аланам, автор статьи вступает в противоречие с поставленными им же задачами, априорно (на с.35) и непонятно каким образом, выделяя группу аланских могильников. Таким образом, основная проблема исследования превратилась в заранее установленный факт.

На мой взгляд, в рецензируемой статье автор не вносит в археологию ничего нового, по сравнению с тем, что было сделано им же ранее. Что же касается антропологии, автор демонстрирует недостаточное знание методологии этой науки и современных методических подходов к обработке палеоантропологических материалов. Механическое манипулирование цифрами, даже с использованием мощных ЭВМ и сложной статистики, отнюдь не является залогом успеха в исторической реконструкции. Более того, результатом его становится информационный шум, который в итоге дискредитирует благородную и действительно необходимую на современном уровне развития науки задачу междисциплинарного подхода к решению проблем этногенеза.

THE IMPACT OF THE CLASSICAL WORLD IN THE CARPATIAN BASIN

The connections between the Carpatian Basin and the Mediterranean region are reaching back to the Neolithic period, but they become most intensive after the appearance of the Romans in Illyricum. During the Roman period, the ethnic picture of the Carpatian Basin was multicoloured. The Great Hungarian Plain was inhabited from the 8th century B.C. on by peoples of Scythian-Iranian origin, to whom, during the later periods, other related groups had joined. These groups had maintained vivid trading connections both with the southern and western regions of Europe.

Celtic tribes, appearing in the western half of the Carpathian Basin during the 4th century B. C. had subjected the Illyrians living in this territory to their domination. Certain celtic tribes settled down on the Great Hungarian Plain as well, and they lived together there with the native population. Around the middle of the 1st century B.C. the Dacian kingdom made an attempt to expand its rule to the west. After this time, in 35 B.C. the Romans appeared between the rivers Drave and Save in order to create a connection between Italy and the eastern provinces, through the mainland (Mócsy 1974, Iff). Before the advent of the Romans, the Classical World exercised an impact on the Carpatian Basin by the means of trade, but after 35 B.C. and mainly after 11 B.C. when the Romans had extended their rule over the territories, which later were known as Pannonia, moreover after the subjugation of Dacia at the beginning of the 2nd century A.D., large territories of the Carpatian Basin themselves became parts of the Classical World. The regions adjacent to the Roman provinces had lost their independence, and became client-kingdoms of the Roman empire (Fitz 1964).

In my brief summary, I would like to mention only a few examples of the interaction between the empire and the barbarian territories. After the foundation of Aquileia in 181 B.C., trade along the so-called Amber Routes between Italy and the coast of the Baltic Sea may be regarded as an important factor in the economic development of these regions (Fig. 1). The most flourishing period of amber trade in this region was the century between 70 A.D. and 166 A.D. Typical finds like amulets, amber rods, moreover rings decorated with animals or female busts, and carved vegetal details of this period are known in a relatively great number from the towns of the Amber Route in Pannonia (Spekke 1957, 62ff; Sprincz 1957, IOIff.) Subsidiary roads leading through Vindobona and Brigetio, beside the main route, leading through Carnuntum, became equally important for the merchants transporting amber to Italy, already at this time (Wielowiejski 1982, 269).

Amber objects, mainly beads were also found on the barbarian territories east of Pannonia (Kőhegyi 1982). Similar beads came to light on Roman soil too, although they were not a characteristic part of provincial costumes. Already Emma Sprincz had stated in 1957, that these

beads and a different type of ring, unfamiliar in the archaeological material of the Amber Route, were not produced in Aquileia, and they were made later, in the period after the eclipse of Aquileian amber industry, that is the 2nd, 3rd and 4th centuries A.D. These beads were probably imported together with the huge mass of other bead types from the Pontic cities.

In the history of the Carpatian Basin, the Marcomannic Wars of emperor Marcus Aurelius represented a turning point. According to the researches of Mihály Párducz, at this time, a new period begins on the Hungarian Lowlands, which he called "Szentés-Nagyhegy period (Párducz 1956, 158ff.; but cf. Bóna 1980). According to him, the beginning of this period may have been caused by the advent of a new, nomadic group, which had subjugated the Sarmatians living on the Great Hungarian Plain since the first decades of our era, and both the invaders and the subdued tribes were of Iranian origin. To the archaeological material of this period, imports from the Pontic region are characteristic, e.g. polyedric beads and so-called Sarmatian buckles; the latter made usually of bronze, but sometimes of silver or gold and chalcedony as well (Párducz 1956, 157, 165).

Again from the time of Marcomannic Wars, one can find certain traces of the influence of the Przeworsk Culture on the territories between Pannonia and Dacia (Horedt 1958). Historical sources refer to the coming of new, Germanic groups (the Lacrings and the Hasdings), who may have introduced certain elements of the Przeworsk Culture into the Carpatian Basin (like the placing of the shield, the sword, spears and the spurs into graves (Nagy 1993, 162ff). As a recent study showed, the tribes of the Lugian Alliance had political and commercial contacts with Rome a long time ago, i.e. they were "interacting", they had influenced each others life, and maybe for the groups settling down in the Carpatian Basin, north of Dacia, it was not the first encounter with Romans (Godłowski 1993, 68ff.). From another point of view, in the new situation, the interaction between them became more intense. As it is well known, this interaction took place along the European borders of the empire, and later caused the barbarization, and the fall of the empire. At their first appearance near the Dacian border, the Hasdingian Vandals "under the leadership of their princes, Roas and Raptos came to Dacia, in the hope to gain money and land for their alliance" (Cassius Dio LXXII, 12) and asked for permission to settle down within the empire. Sextus Cornelius Clemens, the governor of Dacia had denied the request, but entered into a military alliance with the Hasdings. Archaeological finds from this period complement our written sources (Horedt 1958).

According to the researches of István Bóna, in the period right after the Marcomannic Wars, a new group, the so-called Geszteréd-Poroshat-Herpály group appeared on the Great Hungarian Plain (Bóna 1986, 63). From this time on, further Germanic elements (mainly fibulae, and typical shield buckles placed in graves) can be found in the archaeological material of this region. One of the most important finds of this group is the grave under a mound in Geszteréd (Fig. 2:

Roman made bronze shield buckle; Fig. 3: a spearhead, iron coffin clamps, a horse-bit; Fig. 4: a sword [only the scabbard chape is pictured here], a terra sigillata imitation, made probably in Dacia [Bóna 1986, 64, Fig. 17], a pair of Roman made silver spurs, and Fig. 5: a relatively big amber object). The latter object is interesting for us, as it totally differs from the well known shapes, but still some effect of the classical world is felt here too. The object was described during the last century as a horse head. In fact the object is decorated with three, almost identical masks on its narrower sides, and in the centre, the fragment of a piece of silver wire is visible. All three masks on this object are representing bearded male faces with oblique eyes. We find similarly formed eyes for example on a piece decorated with the portrait of Pan from Aquileia (Aquileia, 68, no. 26). The Amber object of Geszteréd represents the masks of Pan too, and like many other ambers it also may have had apotropaic importance, so consequently it may have been an amulet, and in spite of some similarities to the piece of Aquileia it was made in another workshop on the barbarian territories, which still waits for identification.

The decoration of the scabbard chape was interpreted as a "laurel wreath" (Párducz 1956, 63). The spike-shaped double rows of rhomboid patterns are very closely related to the way of representation of the hairdo on two masks from Pannonia (Fig. 6). The scabbard chape from Geszteréd may have represented a simplified version of the mask-motif as well, and in the middle of it a vertical double row of rhomboids could have had originally the same function as the decorative "ribbon" above the head on the masks from Szentes-Nagyhegy (Istvánovits, Kulcsár 1996, 167, Pl. 1, 1; and in this issue). The closest parallels to this type of masks were found in the Lower Elbe Region (Wegewitz 1983, Fig. 6, 8) moreover in Illerup and Thorsberg (von Carnap Bornheim 1997, 97, Fig. 13, 1,2), i.e. on territories inhabited by Germanic population during the Roman period. Strikingly, certain elements of the Szentes-Nagyhegy diadem, like birds, fishes and horse-like animals are also at present on the first roundel of Thorsberg, in this case made of gilt silver plate by Germanic craftsmen, influenced by the products imported from Lower and Upper Germany (Werner 1941, Taf. 7, 2-8). Birds, horses and goats together with masks are represented on the Himlirt0je cup as well (Werner, 1941, 47, Taf.22; Lund-Hansen 1995, Taf. 2, MCMXXXVI).

Masks appear several times on the Great Hungarian Plain during the second period of the Sarmatian Age. In this respect I would like to refer now only to two examples, like the find of Atány (Párducz 1941, Taf. 29, 54) in which the cicada shaped ornaments (cicada was found at Szentes-Nagyhegy too) and the small bucket shaped pendant were probably imported from the Pontic region. The bucket shaped pendant is usually regarded as a typical Germanic piece of jewelers; here its ethnic origin is disputed. Another bronze mask, from the Great Hungarian Plain, found in Kasvárd, representing a satyr, shows a clear reference towards the Dionysiac cults. The motifs

connected with the cult of Dionysos were widespread on the barbarian territories, and such representations found their way from various sources toward the barbarians (Wernwer 1988). Nándor Fettich had called the attention to the Dionysiac origin of the mask-motifs, while Mihály Párducz had also referred to the Dionysiac relationship of the Szentes-Nagyhegy diadem (Paulovics 1940, 73). Aladár Radnóti had stated, that the ethnicity of the deceased in the grave no. 20 of Szentes-Nagyhegy can hardly be identified, but he also stressed the Germanic elements of the grave-goods as well (Radnóti 1957, 277ff).

The great variety of imported goods refers to the wealth and high social status of the deceased in the grave of Geszteréd, and in the same time to the good contacts of this group with the Roman empire. As István Bóna stated, these people were the "friends" of Rome, in other words, they were allies of the empire (Bóna 1986, 65). These imported goods, and the elements of burial rite of the Geszteréd grave are again evidences of an interaction with the provinces of the empire on the one hand, and other barbarian ethnic groups on the other. In this burial the mound over the grave and the placing of the horse-bit into the grave are traditionally regarded as Alanic, that is of Iranian origin; while the placing of the sword and shield, moreover the spurs shows the influence of the Przeworsk Culture.

The well known shield buckle from Herpály, found in a burial mound too, belongs to the same Pontic-Germanic cultural circle (Fettich 1930, 251; Werner 1941, 66ff). The workmanship and decorations of the shield buckle are closely related to the so-called Budapest helmet (Alföldy 1934, 112ff). Both pieces were covered with gilt silver plate. The helmet was found on the left, that is the barbarian bank of the Danube, in the Late Roman fortress of Contra Aquincum, and it may have belonged to a Roman army officer of barbarian origin.

Beside the spurs, mentioned earlier, other barbarian elements appear in Pannonia, and mainly in the neighborhood of military camps, in the second half of the 2nd, or the beginning of the 3rd century. "Suebian pots" were found in a grave beside the legionary camp at Brigetio (Bóna 1963, 286ff), and from Dunapentele we possess a cinerary urn (Póczy 1957, 59, Fig. 41, 49), whose best parallels are known from the territory of the Przeworsk Culture.

Barbarians found their way into the workshops of local masters too. In the archaeological material of the settlements of the limes, representations of barbarians also occur, like the head of a Suebian warrior on a bronze knife-handle (Járdányi-Paulovics 1945, 253, Fig. 25), or a torso of a Germanic woman from Brigetio on the Danubian limes. This statuette may have formed part of a small tropaion, erected in a shrine (Járdányi-Paulovics 1945, 257, Fig. 26). Barbarians are not always represented as enemies. The finely modeled, cast and chiseled bronze bust, again from Brigetio, may be a more-or-less true portrait of a Suebian chieftain (Járdányi-Paulovics 1945, 251, Fig. 24). It may

have been made for a barbarian customer, like the similar attaches of the cauldron found in the princely grave at Musov, Moravia (Tejral 1991, 56, Fig. 30).

A rapid assimilation is characteristic to the barbarian groups, who settled down in the Roman Empire during the first three centuries of our era. The case of Spetimus Aistomodius, from the beginning of the 3rd century A.D., may be a good example. According to his burial slab, found in Camuntum, in the north-western corner of Pannonia, he was a Germanic king (*rex Germanorum*), but settled down in the empire, and received Roman citizenship. Judging from his name, he may have been living originally in the neighbourhood of the Aestii, that is near the region, from where amber was imported to the empire (Vorbeck 1980, 38, no. 148). It is a common knowledge, that the modern road system of the western part of Hungary may go back until the Roman period, but only some of the Roman roads were scientifically investigated so far, mainly in the region of the Amber Route (Cserményi, Tóth 1982, 290ff.) and along the Danubian limes (Visy 1988).

We know even less about the Roman period routes of the Great Hungarian Plain. Three or four major routes can be ascertained on the basis of the distribution of archaeological finds. All of these supposed routes were connected with a Roman fortress on the Danube. Two road stations are known until now, one of them at Hatvan-Gombospuszta, on the road leading from Aquincum, the capital of Pannonia towards the north-east, and the other at Szegeď, on the road leading from southern Pannonia through the Great Hungarian Plain and the Maros valley to Dacia. The routes connecting the empire with the territories inhabited by barbarians were essential for both the Romans and the barbarians. Beside trade, they served as marching routes for the Romans and the barbarians too. The control of these routes had a strategic importance for the Romans (Nagy 1993, 158ff.). From the distribution of finds on the Great Hungarian Plain, we can deduce the consequence, that certain allied groups had the task to watch over the routes leading toward the empire. I would like to mention here only one example: We find similarities between the burial customs of the Geszteréd-Poroshát-Herpály group, and some cemeteries in the Körös-Tisza-Maros region, moreover some cemeteries in Eastern Pannonia during the 4th century A.D. In my opinion, the cemeteries of the so-called Zengővárkony group are belonging to the population settled down in the Roman empire during the fourth decade of the 4th century, and they may be identified with the mixed Vandalian-Alanic group mentioned by Iordanes. This group lived originally at the Körös-Tisza-Maros region, and according to Iordanes, they were defeated by the Goths of Transylvania, near the Maros, and after this catastrophe, they asked for reception into the Roman empire. Emperor Constantine the Great had allowed them, to settle down in Pannonia (Nagy 1993, 183ff.).

As it was already mentioned, some of the routes leading to Pannonia, mainly those through Vindobona, Carnuntum and Brigetio, are regarded as amber routes, but at least during the fourth

century, amber could reach the Carpathian Basin through other routes as well. Since the preliminary publication of the results of István Paulovics's excavations in the so-called "bridgehead" fortress at Nógrádverőce (Fig. 7), the rough amber pieces, and the bronze weight found there, are regarded as evidences of alternative trading routes leading towards the barbarian lands during the 4th century (Paulovics 1934, 163). An inscription, found near Esztergom, on the right, that is the Pannonian side of the Danube, dated to 371 A.D., i.e. to the reign of emperor Valentinian, mentions a *burgus*, whose name is trade, which was erected for that reason (Fig. 8; Barkóczy 1981, no. 771: *burgus, cui nomen commercium, qua causa et factus est*). The destination of the military establishments on the barbarian side of the Danube, belonging to the Nógrádverőce type is disputed. These strongholds, built usually close to the crossing of waterways and roads running in river valleys, offered excellent possibility to traffic control, and according to political situations, they may have served both as warehouses of reserves during military campaigns, and as trading posts in peacetime; on this seems to be sure, they were built and occupied by the Roman army.

According to the present state of our knowledge during the second half of the 4th century A.D., the army on the limes have consisted of various groups of barbarian origin, and consequently, the troops in service both in the strongholds on the left bank of the Danube, like e.g. in Contra Aquincum and Nógrádverőce, may have been mainly of barbarian, possibly of Germanic origin.

Our sources mention the resettlement of Germanic groups, from eastern direction, on the soil of Pannonia at the end of the 3rd century (Móczy 1974, 272 e.g. the Carps, whose ethnic identity is disputed), during the reign of Constantine the Great (Nagy 1993: Vandals and Alans), and under the reign of Gratian (the people of Alatheus and Saphrac: Móczy 1974, 341). This latter group came to Pannonia in 380 A.D., after the strongholds on the left bank were built. Modern historiography holds that all three groups received lands in the province of Valeria, that is Eastern Pannonia, between Lake Balaton and the Danube. During the 4th century barbarians of western origin came to Pannonia and settled down here too. An inscription from Aquincum, which once belonged to a fairly large-sized grave monument, illustrates that barbarians even in this late period assimilated to the Romans. The owner of this monument is identified as a soldier, and possibly a high-ranked one, called Francus in the text – that is he was very probably of Frankish origin (*Francus ego cives Romanus miles in armis* – as the inscription says: Rómer, Desjardins 1873, 95, no. 175).

From the last quarter of the 4th century, as a consequence of the westward movement of the Huns, more and more groups moved into the Carpathian Basin. Some of the newcomers settled down in Pannonia for a shorter or longer period, and these events had set the upper social layers of the local population in motion, who, seeking safer regions, left the province, and emigrated mainly to

Italy. From the beginning of the 5th century, in our region connections with the Classical World became less and less intensive, although these connections had never ceased totally.

LITERATURE

- Alföldi 1934: Alföldi A. *Eine spätrömische Helmform und ihre Schicksale im Germanisch-Romanischen Mittelalter*. Acta Archaeologica, 5 (Kuuubenhavn).
- Aquileia : *Aquileia-Aquincum*. Budapest, 1995.
- Barkóczi, Soproni 1981: Barkóczi L, Soproni S. *Die römischen Inschriften Ungarns*, vol.3. Budapest/Bonn.
- Bóna 1963: Bóna I. *Beiträge zur Archäologie und Geschichte der Quaden*. Acta Archaeologica, 15 (Budapest).
- Bóna 1980: Bóna I. R.Kenk, *Studien zum Beginn der jüngeren römischen Kaiserzeit in der Przeworsk-Kultur dargestellt am Beispiel der Gräberfelder von Chorula und Spicymierz*. Acta Archaeologica, 32 (Budapest).
- Bóna 1986: Bóna I. *Római kor. Magyarország műemléki topográfiája 10:1. Szabolcs-Szatmár megye műemlékei [Roman Period. Topography of the historic monuments of Hungary, vol. 10:1. The monuments of Szabolcs-Szatmár County]*. Budapest.
- von Carnap Bornheim 1997: von Carnap Bornheim C. *Neue Forschungen zu den beiden Zierscheiben aus dem Thorsberger Moorfund*, Germania 75.
- Cserményi, Tóth 1982: Cserményi V., Tóth E. *Der Abschnitt der Bernsteinstrasse in Ungarn*. Savaria, 16.
- Fettich 1930: Fettich N. *Der Schildbuckel von Herpály*. Acta Archaeologica, I (Kuuubenhavn).
- Fitz 1964: Fitz J. *Pannonien und die Klientel-Staaten an der Donau*. Alba Regia, 4 — 5.
- Godłowski 1993: Godłowski K. *Die Barbaren nördlich der Westkarpaten und das Karpatenbecken — Einwanderungen, politische und militärische Kontakte*. Specimina Nova [Dissertationum ex Instituto Historico Universitatis Quinqueecclesiensis de Iano Pannonio Nominatae]. Pécs.
- Horedt 1958: Horedt K. *Einige Knosporen aus Siebenbürgen*. Untersuchungen zur Frühgeschichte Siebenbürgens. Bukarest.
- Istvánovits, Kulcsár 1996: Istvánovits E, Kulcsár V. *Adatok az alföldi szarmaták vallásához és törzsi hovatartozásához [Some data on the regional and tribal attribution of the Sarmatians of the Great Hungarian Plain]*. A Nviregyhdsi Josa Andrd's Mizeum Évkönyve, 37— 38.
- Járdányi-Paulovicz 1945: Járdányi-Paulovicz I. *Germán alakok pannoniai emlékeken [Germanendarstellungen auf pannonischen Denkmälern]*. Budapest Régiségei, 14. Kőhegyi
- 1982: Kőhegyi M. *Bernsteinperlen in sarmatischen Gräbern. Ein Beitrag zur Frage der pannonisch-sarmatischen Handelsbeziehungen*. Archaeologia Austriaca, 66.
- Lund-Hansen 1995: Lund-Hansen U. *Himlingøje — Seeland — Europa*. (Nordiske Fortidsminder, Ser.B.Nr.13). København.
- Mócsy 1958: Mócsy A. *Die spätrömische Shiffslände in Contra Florentiam*. Folia Archaeologica, 10.
- Mócsy 1974: Mócsy A. *Pannonia and Upper Moesia. A History of the Middle Danube Provinces of the Roman Empire*. London/Boston.
- Nagy 1993: Nagy M. *The Hasdingian Vandals in the Carpathian Basin*. Specimina Nova. [Dissertationum ex Instituto Historico Universitatis Quinqueecclesiensis de Iano Pannonio Nominatae]. Pécs.
- Párducz 1941: Párducz M. *A szarmatakor emlékei Magyarországon, I [Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, 1]*. Archaeologia Hungarica, 25.
- Párducz 1956: Párducz M. *Beiträge zur Geschichte der Sarmaten in Ungarn im II. und III. Jahrhundert* Acta Archaeologica, 7 (Budapest).
- Paulovics 1934: Paulovics I. *A nógrádverőcei római erőd feltárása [Freilegung einer Römerfestung in Nógrádverőce]*. Archaeologiai Értesítő, 47.
- Paulovics 1940: Paulovics I. *Későrómai és koranépvándorlaskori ládikaveretek [Spätrömische und frühvölkerwanderungszeitliche Kästchenbeschläge]*. Archaeologiai Ertesito, Ser. 3, Nr.1.
- Póczy 1957: Póczy K. *Keramik*. In: *Intercisa II (Dunapentele)*. (Archaeologia Hungarica, vol. 36).
- Radnóti 1957: Radnóti A. *Möbel- und Kästchenbeschläge, Schlösser und Schlüssel*. In: *Intercisa II (Dunapentele)*. (Archaeologia Hungarica, vol. 36).
- Rómer, Desjardins 1873: Rómer F, Desjardins E. *A Magyar Nemzeti Múzeum római feliratos emlékei [Inscriptiones Monumentorum Romanorum Musei Nationalis]*. Acta Nova Musei Nationalis Hungarici, vol. 1.
- Spekke 1957: Spekke A. *The Ancient Amber Routes and the Geographical Discovery of the Eastern Baltic*. Stockholm.
- Sprincz 1957: Sprincz E. *Római borostyánkő gyűrűk a Nemzeti Múzeumban [Anneli d'ambra nel Museo Nazionale Ungherese]*. Folia Archaeologica, 9.
- Tejral 1991: Tejral J. *Versuch der historisch-kulturellen Auswertung des "Königsgrabes" von Mušov*. In: *PeskaJ. u.a. Die Königsgruft von Mušov*. Mikulov.

Visy 1988: Visy Zs. *Der pannonische Limes in Ungarn. Budapest*

Vorbeck 1980: Vorbeck E. *Zivilinschriften aus Carnuntum. Wien.*

Wegewitz 1981: Wegewitz W. *Schuchwerk und Sporen im Totenritual Hammaburg. 6.*

Werner 1941: Werner J. *Die beiden Zierscheiben des Thorsberger Moorfundes. Römisch-Germanische Forschungen. Bd. 16.*

Werner 1988: Werner J. *Danceny und Brangsirup. Banner Jahrbücher. Bd. 188.* Wielowiejski 1982:

Wielowiejski J. *Politische und Siedlungswirtschaftliche Voraussetzungen der*

Verschiebung nach Osten des Hauptbernsteinweges im dritten Viertel des 1 Jh. u.Z.

Savaria, 16.

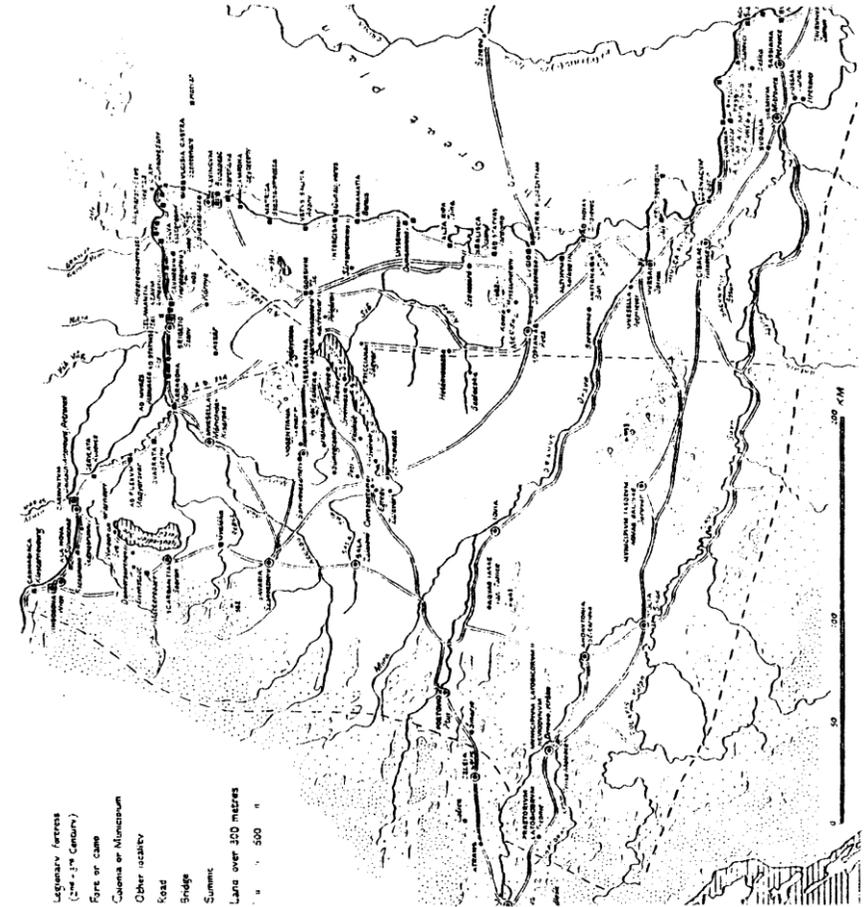

Fig. 1. Map of Pannonia (after Moczy 1974, Fig. 59)

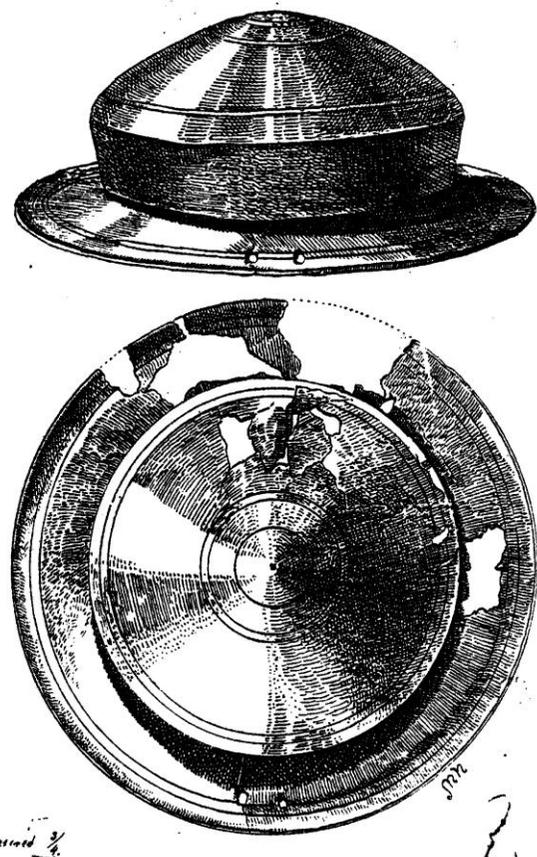

Fig. 2. Shield buckle from Geszteréd (Hungarian National Museum, Budapest)

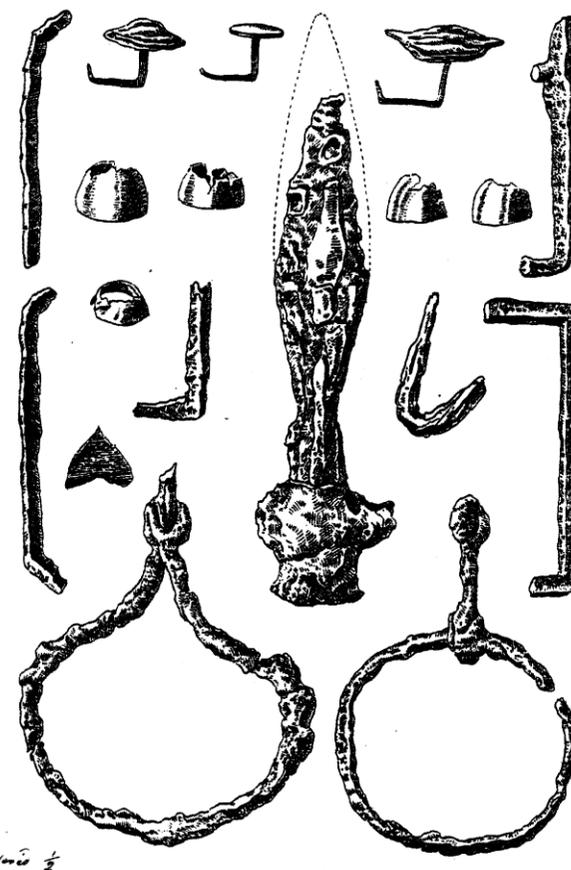

Fig. 3. Spearhead, iron coffin clamps and horse-bit from Geszteréd (Hungarian National Museum, Budapest)

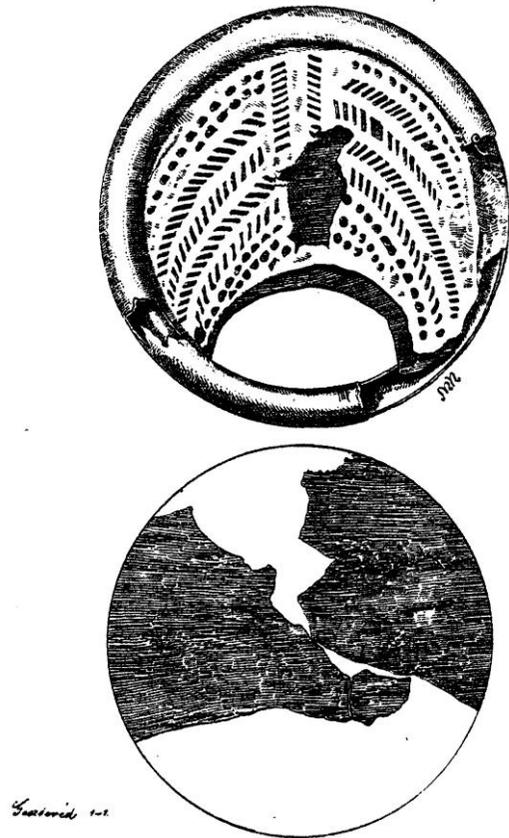

Fig. 4. Scabbard chape from Gesztéréd (Hungarian National Museum, Budapest)

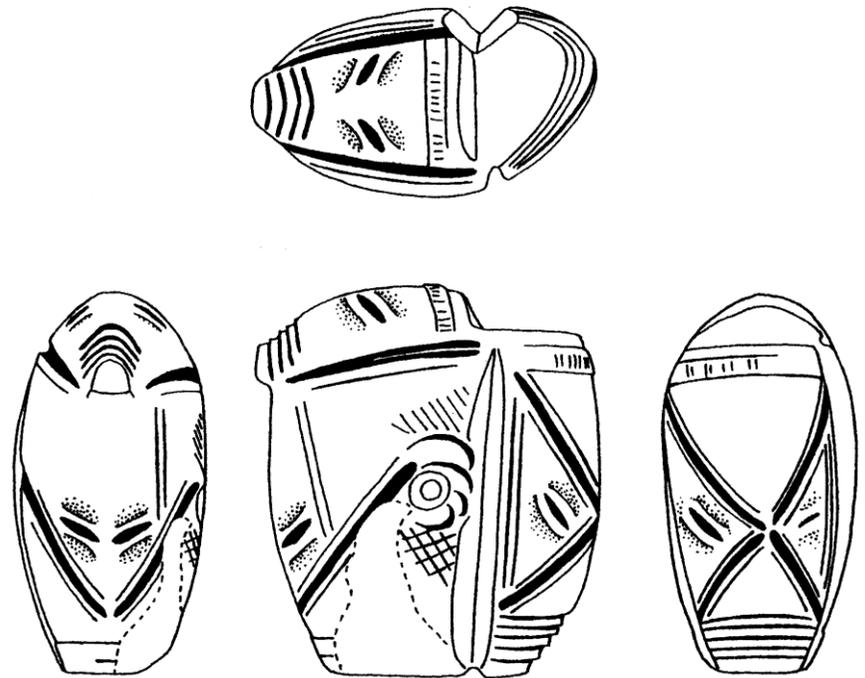

Fig. 5. Carved amber amulet from Gesztéréd (Hungarian National Museum, Budapest. Drawing by Miss Ágnes Vári)

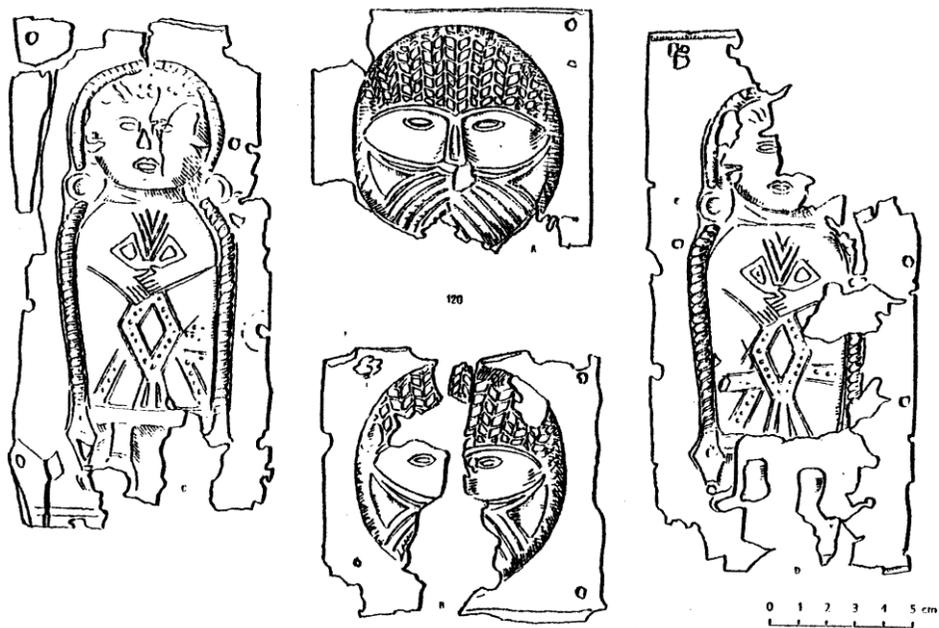

Fig. 6. Bronze plaques decorated with female standing figures and male masks in repoussé technique from Dunapentele (after Radnóti 1957, 302, Fig. 66; Hungarian National Museum, Budapest)

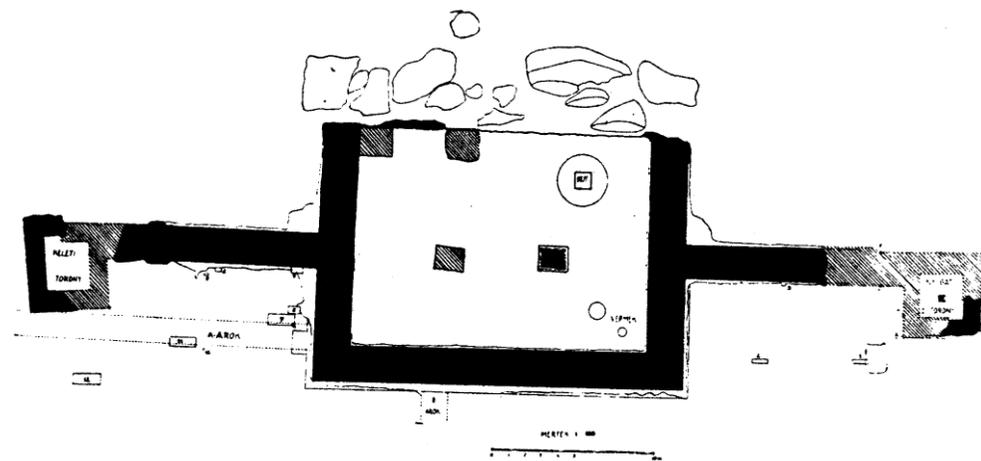

Fig. 7. Ground plan of the remains of the Roman fortification at Nógrádverőce (after Paulovicz 1934, 160, Fig. 112)

3653 in patenti campo praeter Istrum ad Strigionium (= Gran) BONFINIUS. Inde 'inter Strigionium et Comorn' I.A.Z. cod. 7894; 'non procul Strigonio' I.A.Z. 82; 'infra Strigionium a nobis observata' I.A.Z. 631; 'in Labatlan prope Strigionium' [immo prope Nendorf] I.A.Z. 1133 cf. p. 1129.

IVDICIO · PRINCIPALI · DOMINORVM · NOSTRORVM
VALENTINIANI · VALENTIS · ET · GRATIANI
PRINCIPVM · MAXIMORVM · DISPOSITIONE · ETIAM
ILLYSTRIS · VIRI · VTRIVSQVE · MILITIAE · MAGISTRI
5 EQVITIS · COMITIS · FOSCANVS · PRAEPOSITVS
LEGIONIS · PRIMAE · MARTIORVM · VNA · CVM
MILITIBVS · SIBI · CREDITIS · HVNC · BVRGVM
CVI · NOMEN · COMMERCIVM · QVA · CAVSA · ET · FACTVS
EST · A · FVNDAMENTIS · ET · CONSTRVXIT ET
10 AD · SVMMAM · MANVM · OPERIS · IN · DIEBVS · XXXVIII ·
CONSVLATVS · DIVI · NOSTRI · GRATIANI · AVGVSTI · BIS
ET · PROBI · VIRI · CLARISSIMI · FECIT · PERVENIRE

66

Bonfinius l. 1 p. 25 servavit solus; ab eo pendere Lazium cod. Vind. 7894 f. 30, r. v. p. 82. 277. 631. 1133 (inde Grut. 164, 4), quamquam dicit se ipsum observasse (vide supra), declarat cum temporum ratio tum maxime consensus in mendis apertissimis, ut in DIVI-NOSTRI v. 11. Incon-sulto damnavit Katancichius geogr. 1, 448, fictam existimans ad exemplum tituli noti Ipsiensis n. 5670; at hic et post Bonfinium denum innotuit et ab hoc nostro ita discedit, ut cum plane confirmet. Hoc patet antiquum descriptorum et alia corrupisse et compendia omnia solventem subinde errasse.

Fig. 8. Inscription mentioning a Late Roman military installation (after Barkózy 1981, no. 7:1

1. За последние десятилетия для средневековой археологии Северного Кавказа не было более важного открытия, чем раскопки А.В.Дмитриевым могильника 5 – 9 вв. Дюрсо близ Новороссийска.

2. Несмотря на то, что в научный оборот материал введен далеко не полностью, он сразу же стал необходимой отправной точкой для многих хронологических и этнокультурных построений в рамках любого не только кавказоведческого доклад затрагивает две группы вопросов. Первый касается той информации, которую, но и восточноевропейского исследования, особенно в случае анализа событий 5 – 7 вв.

3. Данный можно извлечь из исследования огромной и уникальной (12395 экз.!) коллекции бус, происходящих из 267 погребений.

4. Эта комплексная работа была задумана на предшествующем одноименном международном семинаре в Абрау-Дюрсо (май 1995 г.) и производилась при поддержке сначала Международного Научного Фонда и РФФИ, а позднее и РГНФ. Она не могла бы быть осуществлена, если бы не точные, первоклассные рисунки бус, выполненные сотрудницей Новороссийского музея А.А.Дмитриевой, произведшей первичное (далее скорректированное В.Б.Ковалевской) описание и запись материала для дальнейшей компьютерной обработки по принятой нами классификации с дополнениями по трем томам САИ, составленным Е.М.Алексеевой, и с иллюстративными таблицами исключений, отражающими все многообразие бус из Дюрсо.

5. Важность этого материала определяется тем, что в количественном отношении он составляет более четверти всех обработанных типологически и по комплексам бусенных материалов юга Восточной Европы (Крым, Кавказ, Подонье, Поволжье) 5 – 9 вв, заполняя лауну в наших представлениях о бусах 5 – 7 вв. Могильник прекрасно раскопан и научно документирован. Погребения могут быть датированы по нескольким группам независимых данных (фибулы, поясная гарнитура, серьги, гривны, зеркала, бусы и т.д., что позволяет в результате компьютерной обработки (сериация, кластерный анализ, анализ встречаемости и т.д.) выделить 8 хронологических этапов, доводя в некоторых случаях точность деления до 25 лет.

6. Все материалы Дюрсо в типологических построениях и пространственном анализе, особенно бусы, рассмотрены с помощью десятков карт на фоне обширных евразийских аналогий с помощью методов компьютерного картографирования по программе, разработанной проф. Ю.Г.Рычковым в Лаборатории Генетики Человека Института общей генетики РАН.

7. Особый интерес представляет использование указанных методов геногеографического картирования к анализу плана отдельного могильника, в данном случае Дюрсо, что является первым опытом работ подобного рода с использованием компьютера, поскольку планиграфический метод имеет длительную историю развития. В докладе на серии традиционных карт, построенных В.Б.Ковалевской, и в сопоставлении их результатов с данными компьютерного картографирования, подготовленными О.Ю.Наумовой и С.Ю. Рычковым, рассмотрены разрешающие возможности применения компьютерного картографирования.

ПОЛОВЦЫ И ВИЗАНТИЯ

Несмотря на то, что взаимоотношения средневековых кочевников с Византийской империей рассмотрены достаточно всесторонне, каждая новая работа, посвященная этой теме, представляет безусловный интерес. В докладе не ставится задача подробно проанализировать военные столкновения половцев и Византии, набеги половцев на территорию Империи. Походы и военные столкновения просто перечисляются, а основное внимание автор посвятил тому, как шло развитие взаимоотношений номадов и Византии, всегда ли они оставались только враждебными.

Письменные источники сообщают только о военных столкновениях, а археологические, при всей их фрагментарности, позволяют, тем не менее, дополнить и конкретизировать сложившиеся представления о контактах кочевников с Империей.

В середине 11 в. Византия переживала тяжелые времена. На Западе была потеряна Южная Италия. Войска Империи были разгромлены в сражении при Манцикерте сельджуками. Именно в это время половцы начинают тревожить границы Византии. Первое столкновение византийских войск с половцами произошло в 1078 г. В 1083 г. половцы вновь напали на границы Византии и разбили посланное против них войско, захватив в плен полководца Григория Пакуриани (Арутюнова 1972, 116 сл.). В 1087 г. кочевники вновь совершили набег. Половцы воевали с Византией как сами, так и поддерживая антивизантийские восстания павликиан и богомилов. В 1081 г. на византийский престол всходит Алексей Комнин. Ему удается несколько стабилизировать положение. Проводя гибкую политику, Алексей Комнин сталкивает между собой печенегов и половцев. В 1091 г. половцы под предводительством ханов Боняка и Тугоркана разбили близ города Эноса печенегов, чем спасли от разгрома византийскую армию. В это время половцы находились на первой (таборной) стадии кочевания, постоянно передвигаясь с места на место. Для половцев война становится "основной профессией". Они тревожат постоянными набегами Византию, Русь (как писал летописец "...рать великая от половцев беспрестанно"), выступают как наемники, служа византийским императорам, русским князьям и венгерским королям (Гуркин 1990). Осенью 1094 г. половцы во главе с Тугорканом поддержали самозваного претендента на византийский престол, который выдавал себя за сына императора Романа IV Диогена. В 1114 г. половцы совершили еще один набег на территорию Империи.

Если говорить о степных обществах, находящихся на первой стадии кочевания, то византийское влияние на их культуру прослеживается слабо. Идет и обратный процесс

влияния кочевников, прежде всего на византийскую моду (Плетнева 1991, с.99). С 7 в. в Империи получает распространение такая одежда как кафтаны (византийцы называли их "скарамангиями"). Кафтаны носили как простые воины и всадники, так и аристократия и даже император (Чекалова 1989, 584 сл.). Византийские воины заимствовали у кочевников вооружение: в 5 в. – тяжелые гуннские луки, в 7 в. – стремена, а затем сабли. Такое же заимствование характерно и для Древней Руси. Обратного движения предметов вооружения из Византии в степь не наблюдается. Видимо вооружение кочевников было более совершенно. В южнорусских, в том числе прикубанских степях, трудно выделить погребения половцев 11 – первой пол. 12 вв., т.е. времени, когда кочевники находились на первой стадии кочевания. А погребений второй пол. 12 – нач. 13 вв. обнаружено значительно больше (в т.ч. и в Прикубанье). В этих погребениях, прежде всего в могилах знати, сохранились остатки кафтанов из дорогих византийских тканей, которые попадали кномадам как военная добыча или дары. Ткани были найдены в погребениях днепровских половцев, более других имевших контакты с Византией, а также в половецких погребениях бассейна Северского Донца. В захоронениях половцев степного Прикубанья и Восточного Закубанья византийские ткани встречаются сравнительно редко (Пьянков, Хачатурова 1995, 156), и только в погребениях знати. Это остатки кафтанов, или украшения шлемов.

Наиболее тесно с Византией были связаны половцы, кочевавшие в Восточном Приазовье. Кроме тканей в погребениях этого региона найдены серебряные чаши, изготовленные византийскими мастерами (Гей, Каменецкий 1986, 49). Должны были контактировать с Византией и половцы, кочевавшие на Таманском полуострове, но до сих пор не известны византийские ткани и иные импорты из половецких погребений Тамани. В нач. 12 в. (скорее всего, в 1117 г.) русское население покинуло Тьмуторокань. Город и округа переходят под протекторат Византии (Гадло 1994), но С.А.Плетнева считает, что реально они контролировались половцами. Она даже употребляет термин "половецкий период" в жизни города (Плетнева 1963, 71). В нескольких половецких погребениях нач. 13 в. найдены византийские ткани. Прежде всего это знаменитое Чингульское захоронение. В нем были найдены не только византийские ткани, но и произведения западноевропейского прикладного искусства. Высказывалась даже точка зрения, что половецкий хан, похороненный в этом кургане, участвовал в одном из крестовых походов и грабил в 1204 г. Константинополь (Плетнева 1991, 103). В то же время эти предметы могли поступить либо с территории Византии (подарки, военная добыча), либо через Русь. В нескольких погребениях знатных кочевников Прикубанья и Закубанья нач. 13 в. также найдены

византийские ткани. К половцам Предкавказья они могли поступать через алан, но прояснить этот вопрос пока невозможно.

ИСТОРИЯ О ФАРАОНЕ АМАСИСЕ И МОРЕХОДЕ

Опубликованный в 1915 г. текст т.н. "Демотической Хроники" (Папирус 215 Парижской Национальной библиотеки) содержит несколько составных частей, из которых здесь предлагается авторский перевод и комментарий вполне самостоятельной части текста явно литературного характера. Он представлен в колонке "а" текста папируса и насчитывает 21 строку. Начало текста сохранилось. Окончание и средняя часть отсутствуют. По сохранившейся части содержания текст примыкает к тем произведениям позднеегипетской литературы, которые повествуют о магах и волшебниках, судьбе, возможностях человека и сверхъестественных сил. Ранее в литературе эта часть текста рассматривалась только как история о фараоне Амасисе, пьющем вино и страдающем наутро от излишних возлияний. Но это несправедливо и по отношению к фараону-реформатору, и к тексту. Дело в том, что основная его часть представлена не в сохранившейся, начальной части, а далее. Начало же имеет своеобразную литературную рамку – и всего лишь. Ниже дается перевод текста по фототипическому воспроизведению и прорисовке в работе В. Шпигельберга [1, табл. VI, VI а] и краткий комментарий ряда его положений.

Древние египтяне уже в эпоху Старого царства (нач. III тыс. до н.э.) совершали достаточно далекие морские экспедиции. Их флот, возможно, и уступал критскому в Средиземноморье, но не в Красноморье. Об одной из таких экспедиций и рассказывает текст.

Перевод

1. "Это случилось однажды во время правления фараона Амасиса [2]. Фараон сказал своим царедворцам [3]: "Я хочу выпить египетского к о л о б и вина [4]". 2. И они ответили "О, наш великий господин, тяжелое это дело – пить египетское к о л о б и-вино". На это фараон им ответил: "Нельзя противиться тому, что я говорю". Тогда царедворцы сказали: "О, наш великий господин, 3. фараон волен делать то, что хочет". И сказал фараон: "Пусть поспешат на море и сделают так, как скажет фараон ". Отобедал фараон вместе со своими женами 4. и не было перед ним никакого другого вина в мире, кроме египетского к о л о б и-вина. И стал веселиться фараон вместе со своими женами, 5. и выпил он враз очень большое количество вина, поскольку фараон имел от египетского к о л о б и-вина большое удовольствие. 6. Затем в ту же ночь фараон отправился на отдых по морю и заснул в каюте из виноградных лоз (на палубе корабля)[5] под 7. северным (ветром). Когда же наступило утро, фараон не смог подняться из-за своего сильного похмелья [6]. 8. Не смог он подняться и когда время (необходимой

аудиенции) наступило. Царедворцы жаловались: :Как же так можно ! Случилось у фараона 9. сильное похмелье, и никто в мире не может прийти поговорить с фараоном". Царедворцы отправились к месту, где находился фараон 10. спросили: "О, наш господин, что за несчастье случилось с фараоном ? " И фараон ответил: "У меня сильное похмелье. Я не могу 11. совершенно ничего поделать. Но посмотрите (хорошенько), может быть среди вас имеется человек, который смог бы рассказать мне историю, 12. а я бы (послушав ее) смог бы развеяться". [7] И оказался среди царедворцев один жрец богини Неит по имени Нанитисотем, 13. который был очень большим мудрецом и ... [8]. Он встал перед фараоном и сказал: "О, мой великий господин, не слышал ли фараон 14. истории,случившейся с одним молодым моряком [9], которого звали Харсаусир, сын У сер.... Он жил во времена фараона...[10]. 15. И была у него жена по имени Шепмерит, которую прозывали Анхет [11]. А морехода прозывали 16. Петеусе. И любила она его, и он любил ее так же [12]. Случилось однажды, что послал его фараон в Таиаметпанехси [13]. 17. Проснувшись наутро он был сильно недоволен, поскольку фараон сказал ему: "Это срочный груз. 18. Отправляйся в Таиаметпанехси сегодня же и возвращайся поутру назад [14]. Иначе попадешь ты в весьма большую немилость. 19. И не должен ты выражать недовольство приказом фараона идти..." Тогда пошел он 20. домой и отобедал он со своей женой. Но выпить он ничего не мог, хотя прежде делал он это всегда. Когда же пришло время отправляться им спать, 21. не смог он прикоснуться к своей жене и даже рядом с нею не мог он находиться из-за того, что оказался он в весьма большой немилости [15]. И жена у него спросила: "Желаешь ли ты получить защиту от опасности (?) воды [16]....."

Примечания

1. Spiegelberg W. Die sogenannte Demotische Chronik des Pap. 215 der Bibliothéque Nationale zu Paris nebst den auf der Riickseite des Papyrus stehenden Texten. Demotische Studien. 1915, Heft 7. Lpz. Это основная публикация "Демотической хроники".
2. В тексте имя Амасиса дано по египетски: Йахмес.
3. Букв, "людям большим".
4. Видимо, одно из самых изысканных и крепких сортов египетского вина.
5. Букв, "в беседке, увитой виноградной лозой", расположенной на движущемся корабле. Однако помещения для команды и пассажиров называются каютами. Виноградарство и виноделие во времена саисских фараонов было распространено по всему Египту, но особенно славилась винами Дельта, ее восточная, более сухая и с мягким климатом часть Египта и всего Средиземноморья.

6. Букв. "удар, побитие, ранение", но в явно переносном, конечно же смысле. В данном случае контекст не вызывает сомнений в таком переводе.
7. Все, что было выше, типично в целом для египетской литературы. Это введение или завязка произведения. Следующий далее текст уже никак не связан с пьющим вином фараоном. Смысл в том, что фараон желает развеселиться и разогнать скуку, мрачные мысли, и приглашает жреца, великого мудреца и чародея, а также других людей из своего ближайшего окружения, поочередно слушает их и следует высказанным ими советам с целью выбора наиболее приемлемого. Затем, в итоге, он и достигает желаемого состояния веселья. Читатель также идет по этому пути, который был задан древним автором избранными им литературными приемами. Они являются весьма эффектными и в древности пользовались большим успехом.
8. В тексте небольшая лакуна.
9. Или "мореход". Эпитет "молодой" означает представителя одной из социально-возрастных категорий служилых людей (но не знати), служивших на флоте (и речном и морском, но несомненно "царском", ибо это служилая категория населения Древнего Египта).
10. Имя фараона практически не читается. Ясно, что это кто-то из легендарных предков-правителей страны.
11. Практика двойных имен: основного, парадного и торжественного, и прозвища, обиходного имени – очень распространенное явление в Позднем Египте, но применительно к именам мужчин. Если имя Анхет переводить как "горожанка (царская)", а это вполне возможно, то в таком случае героиня являлась представительницей определенной социальной категории населения.
12. Из основной части произведения мало что сохранилось, но определенно можно сказать, что начальный сюжет о желании фараона пить вино введен исключительно в интересах занимательности.
13. В Шпильбергер (S. 23, Anm. 2) считает, что здесь названа Дафна, важный экономический и один из военных форпостов Дельты. Относительно второй части топонима "...некси" дополнительно к мнению В.Шпильбергера можно предположить, что в Дафне проживало негроидное население, которое, скорее всего, служило в качестве наемников у правителей Египта.
14. Времени на весьма ответственный рейс герою, следовательно, было отведено менее суток. Такая спешка должна была бы чем-то объясняться, но чем именно – не ясно.

15. У Геродота среди многих других сохранилась очень яркая новелла о фараоне Амасисе и девушке Ладике из Кирены, которую тот взял себе в жены. Сравнение этой новеллы с настоящей частью демотического текста показывает, что происхождение новеллы египетское (Ср.: Herod., II, 181).
16. Конец колонки "а" "Демотической Хроники" и всего демотического текста. Но произведение на этом не заканчивается. Мореход не мог не исполнить царского приказа. При этом, по закону жанра, он и самостоятельно должен был оказываться (а возможно и неоднократно) в ситуации, где дело не обходилось без колдовства (об этом могла идти речь уже в строках начиная с 15). Может быть, речь шла и о приключениях, связанных в т.ч. и с особыми сортами египетских вин. И это не только предположение.

ОБЪЕМНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБЪЕКТА ДЛЯ БАЗ ДАННЫХ

В настоящее время развитие компьютерной техники позволяет работать с объемным графическим представлением объекта. Визуальное представление объекта может быть реализовано в нескольких вариантах: рисунок, рисунок в проекциях, фотография, фотография в проекциях, объемное (виртуальное) представление объекта. Все эти способы представления имеют свои преимущества и недостатки. Рисунок отличает четкость, но неточность изображения, фотография отличается точностью, но не четка. У этих двух видов изображения предмета есть существенный недостаток – они не дают полной картины объекта. Объемное (виртуальное) представление объекта может дать его полное изображение в трех плоскостях и не иметь недостатков рисунка и фотографии, но этот способ требует достаточно мощного современного технического обеспечения, что не всегда осуществимо.

Движущийся по геометрическим осям объект может представлять объем в достаточной мере. Преимущества такого способа применительно к задачам археологической науки очевидны: он не требует больших финансовых затрат, дает полное объемное представление об объекте, занимает малый объем информации, не требует большой затраты времени на обработку. На экране объект будет представлен в виде анимационной картинки, которую можно остановить в любом месте ее движения для детального изучения. Для применения и использования анимации существует множество устройств и достаточное количество программного обеспечения. Компьютерная анимация существует достаточно давно, она наработана, и использование ее не представляет сложности.

Для движения объекта по геометрическим осям можно использовать любую удобную вращающуюся подставку. Снятие изображения производится видеокамерой и заносится в компьютер при помощи устройства ввода видеоизображения. Такие устройства изобилуют на компьютерном рынке. Выбор устройства с заданными характеристиками и по приемлемой цене не составит труда.

От редактора

В конце 1995 г. мною в редакцию журнала "Российская археология" было направлено письмо, связанное с опубликованным в одном из сборников "Античная цивилизация и варварский мир" материалом. Поскольку редакция, "приняв к сведению", не сочла необходимым его опубликовать, а вопрос, поднятый мною, не перестал быть актуальным, - я считаю возможным напечатать письмо в этом приложении полностью:

"Уважаемые члены Редколлегии,

В номере 4 журнала "Российская археология" за 1994 год была опубликована заметка А.Д.Пряхина и Ю.Д.Разуваева "Клад украшений с Семилукского городища скифского времени на Дону". Должен сообщить, что под таким же названием (с несущественной разницей) эта же заметка была в 1992 г. опубликована в "Материалах 3-го семинара Античная цивилизация и варварский мир" (Новочеркасск, 1992, выход их печати – февраль 1993 г.).

Текст публикаций и графические иллюстрации абсолютно идентичны, за исключением мест, подвергшихся редакторской правке (копии публикации и авторского текста с правкой приложены к письму). В публикации 1992 г. нет только фотографий вещей из клада, которые по техническим причинам не могли быть воспроизведены, и возвращены мною авторам. К моменту получения корректуры из редакции журнала "Российская археология", которая, безусловно, не может следить за всеми малотиражными изданиями, авторы уже имели отпечатанную в сборнике работу, и то, что заметка не была "отозвана", — вопрос исключительно личной научной корректности А.Д.Пряхина и Ю.Д.Разуваева.

К сожалению, в последние годы, когда возможности публикаций возросли, подобная практика "переиздания" своих работ в нескольких сборниках, журналах, тезисах докладов конференций становится очень распространенной. Аналогия банальна, но ситуация напоминает известный театральные прием массовой беседы на сцене: "Что говорить, когда нечего говорить?". Мне кажется, что подобная практика не делает чести ни авторам (прежде всего), ни науке.

Может быть, есть смысл обнародовать это письмо? Я со своей стороны обязуюсь не включать его в список своих опубликованных работ.

С искренним уважением, Б. Раев".

СОДЕРЖАНИЕ

Иштванович Э., Кульчар В. О верованиях, племенной принадлежности и хронологии сарматов Венгерской низменности	3
Храпунов И.Н. Сарматские погребения 3 в. н.э. из Центрального Крыма.....	28
Малышев А.А. К истории юго-восточной периферии Боспора в римское время (1—3 вв. н.э.)	30
Салихов Б.М. К этнической истории Северного Дагестана албано-сарматского времени	32
Берлизов Н.Е. О двух подходах к поиску предков исторических алан. Перспективы третьего подхода.....	33
Герасимова М.М. Некоторые замечания к статье Н.Е.Берлизова	46
Яблонский Л.Т. Отзыв на статью Н.Е.Берлизова	48
Nagy M. The Impact of the Classical World in the Carpatian Basin.....	50
Дмитриев А.В., Ковалевская В.Б., Наумова О.Ю., Рычков С.Ю. Компьютерное картографирование массовых материалов могильника Дюрсо.....	67
Зеленский Ю.В. Половцы и Византия.....	69
Эдаков А.В. История о фараоне Амасисе и мореходе.....	72
Винидиктов А.П. Объемное представление объекта для баз данных	76
От редактора	77